

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Б.С. Жигалов

**И.М. МАЙСКИЙ: ПОРТРЕТ
СОВЕТСКОГО ДИПЛОМАТА
ПО МАТЕРИАЛАМ ЕГО «ДНЕВНИКА»,
ПИСЕМ И МЕМУАРОВ**

*Ответственный редактор – доктор исторических наук,
профессор В.П. Зиновьев*

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2014

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)61/.62
Ж681

Жигалов Б.С.

Ж681 И.М. Майский: портрет советского дипломата по материалам его «Дневника», писем и мемуаров / отв. ред. В.П. Зиновьев. – Томск : Издательский Дом ТГУ, 2014. – 92 с.

ISBN 978-5-94621-381-3

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *С.Ф. Фоминых*;
доктор исторических наук, доцент *В.П. Румянцев*;
кандидат исторических наук, доцент *Е.В. Хахалкина*

ISBN 978-5-94621-381-3

© Жигалов Б.С., 2014

© Издательский Дом ТГУ, 2014 (оригинал-макет)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	4
Глава 1. Начало дипломатической карьеры. 1922–1931 гг.	7
Глава 2. Работа в Лондоне. 1932 – 21 июня 1941 г.	25
Глава 3. «Звёздный час». Лондон, 22 июня 1941 – 1943 г.....	44
Глава 4. На германском направлении. 1943–1946 гг.	52
Глава 5. «Осень патриарха». И.М. Майский и его мемуары. 1947–1975 гг.	67
Послесловие	78
Примечания	82

Времена не выбирают,
В них живут и умирают.
А. Кушнер

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Иван Михайлович Майский (Ляховецкий) прожил долгую, наполненную важными событиями жизнь. Он родился в январе 1884 г. в семье военного врача, ставшего впоследствии научным работником, в Новгородской губернии и умер в сентябре 1975 г. в Москве, прожив более 90 лет.

Судьба причудливо то поднимала его вверх, когда он участвовал в переговорах Сталина с Рузвельтом и Черчиллем, то бросала вниз в камеру Бутырской тюрьмы, где он провёл более двух лет. Впрочем, для сталинского периода в истории нашей страны это не являлось чем-то неожиданным и уникальным. Уникальным было то, что он уцелел и смог вернуться в «большую жизнь», став известным мемуаристом и историком.

За последние годы опубликованы новые материалы, связанные с жизнью и деятельностью И.М. Майского. Уникальным является «Дневник дипломата», который он вёл в 1934–1943 гг. Долгое время этот документ оставался засекреченным и хранился в АВГПФ. Недавно в серии «Научное наследство» «Дневник дипломата» был опубликован, его объём превышает 1200 стр.¹ В этой же серии опубликованы «Избранная переписка И.М. Майского с российскими корреспондентами» и «Избранная переписка с иностранными корреспондентами» общим объёмом более 2000 стр.² Примерно половина текста этой переписки принадлежит перу И.М. Майского. Это переписка русского интеллигента с равными ему в интеллектуальном отношении политическими и государственными деятелями, писателями, артистами, учёными. Публикаторы переписки И.М. Майского справедливо отмечают: «Успешно диалог могут вести только те люди, которые находятся в одной системе этнокультурных координат»³.

К этому следует добавить дипломатическую переписку И.М. Майского, опубликованную в официальных изданиях⁴, а также многочисленные мемуарные публикации. Всё это образует огромный источниковый массив, который даёт возможность изучить деятельность этого незаурядного человека. Ни один из советских государственных деятелей и дипломатов не оставил столь огромного литературного наследия, как И.М. Майский.

Рано войдя в революционное движение, Майский в 1903 г. вступил в РСДРП, примкнув к меньшевикам. Период с 1908 по 1917 г. он провёл в

эмиграции в Германии и Англии, где познакомился со многими людьми, впоследствии оказавшимися у власти в Советской России. Окончив с золотой медалью гимназию в Омске, он в 1908–1912 гг. учился на экономическом факультете университета в Мюнхене, получив, таким образом, прекрасное образование.

Вернувшись в мае 1917 г. в Россию, Майский вошёл в состав коллегии министерства труда Временного правительства. Октябрьскую революцию Майский не принял. «Я был ярым апологетом борьбы с большевизмом», – писал он 20 февраля 1920 г. А.В. Луначарскому⁵. В августе–сентябре 1918 г. Майский был членом правительства КОМУЧа. Лихолетье гражданской войны он пережил в Монголии, где в 1919–1920 гг. возглавлял экспедицию Центросоюза. Итогом этой поездки явилась книга, изданная в 1921 г.⁶

Позднее он вспоминал: скрываясь от колчаковцев, «весной 1919 г. я попал в Иркутск, местная кооперативная организация предложила мне стать во главе экспедиции, отправлявшейся в Монголию для изучения ряда экономических вопросов. Я согласился и на целых 17 месяцев попал в безграничное царство степей и пустынь Центральной Азии»⁷.

Вернувшись в Советскую Россию, Майский поступает на государственную службу, и в феврале 1921 г. в Иркутске Сиббюро ЦК РКП(б) принимает его в члены РКП(б) без прохождения кандидатского стажа. Существует версия, что Ленин был возмущён, узнав, что «меньшевика Майского приняли в партию». В 1922 г. Майский переезжает в Москву, где при поддержке своих давних знакомых Г.В. Чичерина и М.М. Литвинова поступает на работу в НКВД.

Будучи литературно одарённым человеком, Майский любил и умел писать. Ещё в период эмиграции им были опубликованы в разных газетах и журналах 57 статей. В дальнейшем, находясь на дипломатической службе, Майский опубликовал под разными псевдонимами немало публицистических работ о Японии, Англии, Германии, Финляндии. Литературный талант автора отражается даже в достаточно лаконичных дневниковых записях, нередко дополненных художественными деталями. Так, 6 октября 1939 г., когда Англия уже находилась в состоянии войны с Германией, Майский едет в Адмиралтейство на встречу с новым морским министром У. Черчиллем. «Ночь сегодня тёмная, туманная. На небе низкие, мрачные облака. На улицах хоть глаз выколи... Знакомая площадь кажется незнакомой. Клубится туман. Из тумана мрачно поднимается, точно какая-то сказочная крепость, здание Адмиралтейства. Нигде ни огня, ни человека»⁸.

Другая запись из Дневника, 25 декабря 1939 г. – возвращение в Лондон после встречи с Ллойд Джорджем в его загородном доме: «Опять мы в машине. Небо совсем очистилось. Горят яркие звёзды... поля и деревья покрыты густым белым инеем. По обе стороны дороги склоняются фантастически засеребрившиеся ветви... Снова рождественская ночь! Снова душа наполняется детскими образами и воспоминаниями»⁹.

Биография И.М. Майского чётко делится на три периода, каждый из которых отражает его триединую ипостась: революционер–дипломат–учёный. Самым важным и плодотворным в его биографии был период дипломатической деятельности. Именно тогда он стал известен в стране и в мировой политике. Этот период в жизни И.М. Майского и является предметом исследования в настоящей работе.

Глава 1. НАЧАЛО ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ. 1922–1931 гг.

В 1928 г., направляя Г.В. Чичерину поздравления по случаю его десятилетнего пребывания во главе НКВД, Майский вспоминал: «...в феврале 1922 г. я явился из Сибири в высоких сапогах, мохнатой барнаулке и чуть ли не на другой день был назначен заведовать Отделом печати НКВД»¹. В действительности дело обстояло не как просто. Сам Майский, обладая уже большим опытом политической деятельности, хорошо знал об отношении большевиков к своим политическим противникам. Просто так ехать в Москву он не мог.

В феврале 1920 г. Майский пишет письмо А.В. Луначарскому. Формально речь шла о возможности издания и постановки на сцене поэмы Майского «Вершины», которая, по мнению автора, «принадлежит к произведениям новой литературы». Но главное было в другом. Заявив о разрыве с меньшевизмом и переходе на платформу советской власти, Майский ставит перед наркомом просвещения следующие вопросы: первое – «Могу ли я приехать в Москву? Не грозят ли мне там «кары земные» за мои политические грехи?» и второе – «Найду ли я хороший приём среди деятелей Советской республики? Не станет ли поперёк дороги моё политическое прошлое?»².

Луначарский информировал ЦК РКП (б) о письме Майского, и ему сообщили, что при публичном отречении от прошлого Майский мог бы получить амнистию. 24 ноября 1920 г. Политбюро рассмотрело вопрос о возможности работы Майского, и было решено «использовать сначала Майского в провинции»³. Ленин видел это письмо Майского, на письме его помета «в архив».

В соответствии с решением партийной инстанции в декабре 1920 г. Майский переезжает из Иркутска в Омск, в середине 1921 г. – в Новониколаевск, где работает председателем Сибирского Госплана и редактором газеты «Советская Сибирь».

Майскому приходилось реабилитировать себя, подтверждать свой переход на сторону большевиков. 31 октября 1920 г. «Правда» публикует письмо Майского в редакцию газеты, в котором утверждалось следующее: «...вся политическая линия меньшевиков, начиная с февраля 1917 г., была в корне ошибочной...Меньшевизм, его политические воззрения, его

психологические навыки стали мне глубоко чужды... Теперь, с возвращением в пределы России, я считаю своим долгом отдать свои силы и энергию работе на пользу и укрепление Советской республики»⁴.

Важно было реабилитировать себя в глазах Ленина, который в брошюре «О продовольственном налоге» упомянул имя Майского наряду с В. Черновым и Л. Мартовым как противников Советской власти. 15 мая 1921 г. Майский пишет из Сибири Ленину: «Внимание, которое Вы уделяете в последнее время моему имени, заставляет меня обратиться к Вам, уважаемый товарищ, настоящим письмом». Далее Майский упоминает о своём вступлении в РКП (б) и работе в Сибревком, о письме в «Правду» от 31 октября 1920 г. Заканчивает письмо он следующим образом: «Ваше выступление против меня мне кажется не только несправедливым, но и неполитичным, ибо оно направлено теперь против члена РКП(б) и одного из наиболее ответственных работников аппарата в Сибири»⁵.

Времена тогда были вегетарианские, и Майский мог позволить себе такой тон в отношении «вождя мирового пролетариата». Ленин принял объяснения Майского и наложил резолюцию на этом письме: «Т. Стеклов. Прошу поместить петию в «Известия»⁶. Письмо было опубликовано 2 июня 1921 г.

Окончательно Майский порывает со своим прошлым, выступив свидетелем обвинения на процессе правых эсеров, проходившем в Москве в июне–августе 1922 г. Майский был членом КОМУЧа, поэтому его показания имели большое значение. Кстати, за участие в КОМУЧе Майский в своё время был исключён из ЦК партии меньшевиков.

В протоколе заседания комиссии, созданной Политбюро для организации процесса, от 6 мая 1922 г. было записано: «Поручить т. Луначарскому повидаться с Майским, чтобы определить направление и объём его показаний. Майскому подготовить политическую речь о правительстве правых эсеров»⁷. 25 и 26 мая 1922 г. Майский опубликовал в «Правде» большую статью «Жестокий опыт (К истории Комитета членов Учредительного собрания)», в которой писал, что «ответственность за преступления и ошибки, совершённые тогда, я готов нести не только перед судом истории, но и перед всяким иным судом»⁸. Итогом всей его деятельности по разрыву с прошлым явилась книга «Демократическая контрреволюция», изданная в 1923 г. В письме Р.М. Плехановой Майский писал: «Книга «Демократическая контрреволюция» объяснит Вам, как и почему из меньшевиков я превратился в большевика»⁹.

Только после этого состоялось назначение Майского на работу в НКВД, санкционированное ЦК РКП(б). Иного тогда быть не могло. Ру-

ководил он Отделом печати НКВД недолго: с февраля 1922 по апрель 1923 г. Объём международных связей СССР с другими странами тогда был небольшим. Но в этот период прошли две международные конференции с участием Советской России в Гене и Гааге, был подписан Рапаллский договор с Германией. Работая в Отделе печати, Майский написал две брошюры о внешней политике Советского государства¹⁰, был первым редактором журнала «Международная жизнь».

«Работа в Отделе печати мне нравилась... Однако трения с некоторыми товарищами заставили меня попросить ЦК партии дать мне какое-либо иное назначение». (В другом месте он пишет о «конфликте с руководством НКВД»¹¹.) Так весьма неопределённо Майский объясняет свой уход из Наркомата иностранных дел.

В апреле 1923 г. Майский был отправлен в Петроград для работы заместителем главного редактора газеты «Петроградская правда» и для организации нового общественно-политического и литературно-художественного журнала, получившего название «Звезда».

Начало 1920-х гг. характеризуется существованием и взаимной борьбой различных литературных групп и течений, что своеобразно отражало внутривнутриполитическую борьбу в партии после ухода Ленина. Центральное место в тогдашней литературной жизни занимал журнал «Красная новь», выходящий в Москве и редактировавшийся А.К. Воронским, близким к Троцкому человеком. Предполагалось, что «Звезда» будет занимать про-сталинскую позицию, издаваясь в Петрограде (Ленинграде), вотчине Зиновьева. При участии Майского как главного редактора вышло семь номеров «Звезды». Он вёл переписку с М. Горьким, А. Толстым, В. Вересаевым, И. Эренбургом, Д. Бедным, приглашая их к участию в журнале. Как заместитель главного редактора «Петроградской правды», он переписывался с Л. Рейснер (Афганистан), А. Коллонтай (Норвегия), призывая их давать материал о положении в этих странах.

Майский участвует и в литературных дискуссиях того времени. 14 декабря 1923 г. в «Правде» были опубликованы его тезисы о современной литературе. Майский писал: «Всякая художественная литература есть классовая литература. Литература пролетариата в наш исторический период должна отличаться... двумя характерными чертами. Во-первых, в ней будут преобладать мажорные героические тона. Во-вторых, в ней будет доминировать тип сильного человека»¹².

Но работа Майского в Ленинграде не принесла удовлетворения ни самому Майскому, ни литераторам Ленинграда. К.И. Чуковский в своём Дневнике (запись от 10 января 1925 г.) писал: «Майский (ред. «Звезды»)

бывший меньшевик, и как всякий бывший меньшевик, страшно хлопочет перебольшевичить большевиков»¹³.

Литературный Ленинград «не принял» Майского с его конформизмом и зависимостью от политической конъюнктуры. Так, в августе 1923 г. он направил письмо М. Волошину с предложением о сотрудничестве. Но после появления в журнале «На посту» статей, обвинявших Волошина в «поэтической контрреволюции», сотрудничество было прекращено¹⁴.

Много лет спустя, в 1964 г., когда отмечалось 40-летие журнала «Звезда», редколлегия журнала отказалась от публикации воспоминаний первого редактора, и Майскому пришлось опубликовать их позднее в журнале «Знамя».

10 марта Майский пишет В.М. Молотову: «Живу в Ленинграде неважно. Чувствую себя здесь гражданином второго сорта. Постоянные здешние жители очень часто дают мне почувствовать, что я здесь чужак. В «Л. Правде» больше не работаю – Сафаров позаботился о том, чтобы сделать для меня работу в газете невозможной... Сейчас редактирую журнал «Звезда». И в заключение письма: «В общем, сильно думаю о возвращении в Наркоминдел»¹⁵.

Письмо Молотова заинтересовало, и он наложил резолюцию: «Т. Кагановичу. Прошу прочесть и вернуть мне». Главный редактор «Ленинградской правды» Сафаров был человеком Зиновьева. Очевидно, этот факт мог пригодиться в борьбе против Зиновьева.

В частном письме в апреле 1925 г. Майский писал: «Уезжаю из Ленинграда без всякого сожаления, даже с радостью, ибо очень тяжёлая здесь обстановка для всякого чужака»¹⁶.

С весны 1925 г. и начинается собственно дипломатическая карьера Майского. Впоследствии он вспоминал: «Литвинов весной 1925 г. предложил мне поехать в Англию в качестве советника нашего полпредства со специальной задачей ведать там всеми вопросами, связанными с прессой»¹⁷. С этого времени Литвинов вначале как первый зам. наркома, а затем в качестве наркома иностранных дел будет неизменно поддерживать Майского и помогать ему в продвижении по служебной лестнице. До конца жизни Литвинова Майский относился к нему с глубоким уважением как к старшему коллеге, сохранив при этом хорошие отношения с Чичериным, что было достаточно удивительным для тогдашних нравов в НКВД. В огромной личной переписке Майского именно переписка с Литвиновым занимает первое место: более 40 раз они обменивались письмами.

Назначение Майского в Лондон советником к полпреду Х.Е. Раковскому вполне его устраивало. 31 марта 1925 г. Майский пишет в одном из писем: «...я возвращаюсь в НКВД и, поскольку дело будет зависеть от меня, постараюсь и дальше работать в этом ведомстве. Оно мне нравится, и я чувствую себя достаточно квалифицированным для данной сферы деятельности»¹⁸.

В Лондоне он проработал в качестве советника в полпредстве с 1925 по 1927 г. Работой был доволен. 30 августа 1925 г. Майский пишет знакомому: «У меня работа весьма интересная и живая, так как на моём попечении сношения с прессой и рабочим движением»¹⁹. Неплохо Майские устроились и в бытовом отношении, хотя в письмах он жалуется, что «жизнь в Англии невероятно дорога, и хотя получаем мы здесь по российским масштабам громадные деньги, едва сводим концы с концами»²⁰. В реальности выглядело всё это не так уж плохо. В письме матери в августе 1925 г. Майский пишет: «Живём мы здесь так. Я работаю в полпредстве, а Агния в торгпредстве. Снимаем небольшой английский дом, совершенно самостоятельный, в котором живём только мы, имеем прислугу и ведём собственное хозяйство... Дом наш расположен в одном из лучших лондонских предместий, рядом с Ботаническим садом»²¹. Впрочем, бытовую сторону своей жизни в Лондоне он подробно описал в мемуарах.

1925–1927 гг. – сложный период в англо-советских отношениях. В 1924 г. лейбористское правительство установило дипломатические отношения с советским правительством, но затем к власти пришли консерваторы. Отношения стали ухудшаться. В 1926 г. в Англии имели место всеобщая забастовка и забастовка горняков. Коминтерн и Профинтерн, за спиной которых стояла ВКП(б), стремились оказать материальную помощь бастующим. Это было расценено британскими властями как вмешательство во внутренние дела. Затем последовали события, связанные с так называемым «письмом Зиновьева», завершившиеся разрывом отношений между двумя странами.

Майский соучаствует во всём этом. В сообщении тогдашнему председателю Коминтерна Зиновьеву (копия Сталину) он пишет о своих контактах с Поллитом, Перселем и другими деятелями компартии и тредюниона горняков, о «взаимном обмене информацией»²². Несмотря на большую загруженность текущей работой в полпредстве (весной 1926 г. назначенный полпредом в Лондон Л.Б. Красин оставался из-за болезни в Париже, Х.Г. Раковский был уже отозван в Москву, первый секретарь Д.В. Богомолов – болен, «в результате я едва-едва справлялся с самой

необходимой текущей работой»), Майский в Лондоне продолжал заниматься научно-публицистической деятельностью²³. Ещё до отъезда он опубликовал в Англии работу «Современная Германия» («написанную по заказу ЦК»).

Литвинов поддерживает эти занятия Майского, предупреждая против написания «чисто агитационных» материалов. «Нам нужен абсолютно объективный материал, который давал бы нам ясное и безошибочное представление о тех действительных затруднениях, с которыми Англии придется считаться в ближайшие годы, и о тех возможных выходах из положения, которые могут быть найдены». Нужен правильный прогноз, насколько такой прогноз возможен, в экономике и политике²⁴.

В ответ Майский, констатируя, что «Лондон сейчас крупнейший центр мировой политики», сообщает, что его подход к задачам работы в Англии совпадает с рекомендациями зам. наркома. «Приехав в Лондон и начавши ориентироваться в здешней политической, социальной и экономической обстановке, я вплотную уперся в вопрос о перспективах дальнейшего хозяйственного развития Англии... Отсюда мое решение, одобренное и т. Раковским, заняться специальной работой об английской экономике»²⁵.

Работая в Англии, Майский под псевдонимами опубликовал две работы (Тайгин И. Англия и СССР. М., 1926; Джемс М. Всеобщая стачка и борьба углекопов в Англии. М., 1926).

Покинув Лондон после разрыва отношений и имея хорошие отношения и с Чичериным, и с Литвиновым, Майский был уверен, что без работы в системе НКВД не останется. Но где? 17 июня 1927 г. он пишет жене: «...при нынешнем положении в токийском полпредстве меня будут усиленно гнать в Японию». О том, что происходило в Токио, повествует работавший там советником Г.З. Беседовский. В своих воспоминаниях он пишет: «В токийском полпредстве полным ходом шла совершенно «невероятная склока», главными действующими лицами которой были полпред В.Л. Копп, военный атташе К.Ю. Янель, торгпред К.Э. Янсон, бывший министр иностранных дел ДВР». Эти люди и их жёны конфликтовали не только по бытовым вопросам, но писали доносы, предъявляя политические обвинения²⁶. В Москве решили сменить руководство полпредством в Токио.

В.Л. Копп был ставленником Литвинова, и последний, очевидно, хотел сохранить за собой руководство представительством в Токио. Правда, Майский тогда ещё не входил в номенклатуру, из которой Политбюро

черпало кадры для замещения постов в госаппарате. Поэтому речь могла идти о работе в качестве советника. В том же письме жене Майский сообщает: «Япония – самая реальная из перспектив. Сомнения: первое – полпред (Довгалеvский) политически значительно слабее меня и второе – климат»²⁷.

В чем видел Майский «политическую слабость» В.С. Довгалеvского, участника гражданской войны, бывшего наркома почт и телеграфа, ставшего в 1924 г. полпредом в Швеции, а с 1927 г. – полпредом в Японии, не ясно. Много лет спустя в своих мемуарах Майский посвятил В.С. Довгалеvскому небольшой, но очень благожелательный очерк.

Очевидно, Майский был не в курсе тех баталий, которые имели место в руководстве партии по поводу Японии, которую стали рассматривать чуть ли не как место возможной ссылки политических противников. В начале июля 1926 г. Сталин мечтательно пишет Молотову: «Троцкого в Японию следовало бы...». 3 августа Сталин снова пишет Молотову в связи с освобождением Л.Б. Каменева от поста наркома торговли: «Каменева думаем в Японию». 12 августа 1926 г. Политбюро освободило Коппа от его обязанностей и назначило Каменева полпредом в Японию. Но 2 сентября Политбюро пересмотрело это решение, и Каменев не поехал в Токио. Наконец 6 января 1927 г. Политбюро приняло решение назначить полпредом в Японию Довгалеvского, Копп поехал полпредом в Швецию, Каменев – в Италию, а 3 ноября 1927 г. полпредом в Японии был утверждён А.А.Трояновский²⁸.

В Японии Майский проработал с 30 октября 1927 г. по 1 февраля 1929 г. К сожалению, в своих мемуарах он ничего не пишет о времени, проведённом в этой стране. Лишь его переписка дает какие-то сведения о его работе, впечатлениях, настроении.

В своих письмах близким и друзьям Майский обращает внимание на природу и климат Японии. Природа ему нравится. В январе 1927 г. он пишет Д. Богомолову: «От Симоносеки до Токио езды около суток, и всё это время мимо твоих глаз бегут поразительные виды: горы, долины, реки, города, селения, заливы, наконец, сам великий Океан. Но только все это (конечно, за исключением Океана) не мощное и грандиозное, как на Кавказе, а мягкое, уютное, чарующе-желанное... Порой кажется, что перед тобой не живая реальность, а великолепно сделанные театральные декорации»²⁹.

В другом письме, адресованном Чичерину, Майский подчеркивает: «Япония – очень красива. Правда, красота эта немножко однообразна,

поэтому сравнительно легко приедается. В ней нет никакой мощи, никакого величия, как на Кавказе или в Альпах, все довольно миниатюрно, подстрижено, приглажено»³⁰. Народ в Японии интересен и своеобразен. «Есть много красивых лиц, особенно женских, страшно нравятся мне японские кимоно – хорошее кимоно куда очаровательнее европейского женского платья... Испытали мы уже порядочное количество подземных толчков разной силы. Постепенно привыкаем к этим шуткам геологии и перестали обращать на них внимание»³¹.

Но погода – не нравится. «Вот и лето прошло, – пишет он Д. Богомолу. – В других местах лету радуются, а здесь над ним плакать приходится... Лили беспрерывно дожди, в воздухе была мокрая духота. Нечем было дышать, тело вечно было покрыто жаркой испариной. Вдобавок на всём появляется плесень – на домах, на полах и потолках, на ботинках, на платье, висящем в шкафу, на переплетах книг, даже в постели. Вечером ложишься спать, а постельное бельё сырое, подушка пахнет плесенью. Фу, гадость... Это тебе не Польша и даже не Лондон. В Лондоне что, – по сравнению с Японией благодать». В другом письме он добавляет: «В мае–июне во дворе полпредства вы каждодневно наблюдаете любопытную бытовую картину: фраки и смокинги советских дипломатов висят на верёвках и сушатся на солнце. А к июлю месяцу всё зимнее платье запаивается в специальные металлические ящики и сохраняется в них до октября. Но даже эти меры не всегда достигают своей цели»³².

Политический климат в Японии также удивил Майского своим контрастом с тем, что было в Англии. «Здесь, по крайней мере внешне, к нам относятся как к великой державе и при том как к дружественной великой державе». «Странно и непривычно после Англии», но в Токио «официальный мир нами не только не пренебрегает, но отчасти даже перед нами заискивает»³³.

По мнению Майского, это было обусловлено ослаблением международных позиций Японии после Вашингтонской конференции. «Положение самой Японии довольно тяжёлое. Международно политически она сейчас изолирована, в Китае её влияние слабеет... В такой обстановке Японии, конечно, не до внешних авантур... Для меня, во всяком случае, не подлежит сомнению, что инициатором нападения на нас Япония сейчас не будет»³⁴.

В истории японо-советских отношений за весь межвоенный период вторая половина 1920-х гг., когда Майский работал в Токио, был самым «спокойным» периодом. Это признавалось советской стороной офици-

ально. В 1931 г. в связи с японской агрессией в Маньчжурии первый зам. Наркома иностранных дел Н.Н. Крестинский докладывал Сталину, что до этих событий советско-японские отношения характеризовались «отсутствием какой-либо напряжённости»³⁵.

Советско-японская конвенция об основных принципах взаимоотношений была подписана в январе 1925 г. в Пекине. Устанавливались дипломатические и консульские отношения. В том же 1925 г. были подписаны контракты, по которым Японии предоставлялась угольная и нефтяная концессии на Сахалине.

С апреля 1927 г. по июль 1929 г. японское правительство возглавлял генерал Г. Танака, с именем которого связывают пресловутый «меморандум», который многие специалисты считают фальшивкой. Он же сохранял за собой посты министра иностранных дел и министра колоний. Танака бывал до революции в России и владел русским языком.

Приход к власти правительства, возглавляемого генералом Танака, не привело к ухудшению отношений Японии с СССР. В Отчёте советского правительства за 1926/27 финансовый год констатировалось: «Смена японского кабинета не отразилась на политике японского правительства по отношению к СССР». Когда полпред Довгалецкий в марте 1927 г. прибыл в Токио, «ему был оказан как со стороны правительства, так и со стороны общественных кругов чрезвычайно дружественный и радушный приём»³⁶.

Довгалецкий недолго работал в Японии и в ноябре 1927 г. в связи с состоянием здоровья покинул Токио. Теперь уже Майский сообщал в Москву, что проводы полпреда сопровождались многочисленными приёмами и чествованиями. Это подтверждает «два основных факта: первое – наличие хороших отношений между японским и советским правительствами, второе – личную популярность т. Довгалецкого в здешних правительственных, дипломатических и общественных кругах... Состояние политической погоды в данный момент... Оценка гласит: ясно. При напряжённости наших отношений на Западе такой вывод представляет для нас крупнейшее значение»³⁷.

С момента отъезда Довгалецкого и до приезда в январе 1928 г. нового полпреда Трояновского Майский исполнял обязанности поверенного в делах. При его участии была задумана и позднее осуществлена поездка в СССР театра «Кабуки». Гастроли японского театра прошли с огромным успехом в Москве и Ленинграде.

В конце 1927 г. Москву посетили два важных визитёра из Японии. В ноябре видный японский бизнесмен и политик Кухара направился во

главе экономической делегации в СССР и Германию. В Москве он был принят Сталиным, встречался с Чичериным и зам. наркома Караханом. Но эта поездка не привела к каким-либо серьёзным результатам. Интересно отметить, что в 1961 г. 92-летний Кухара, возглавляя Комитет по восстановлению советско-японских отношений, приветствовал А.И. Мияояна в Токио.

Более важное значение придавали в Японии поездке в Москву видного политического деятеля Гото, неоднократно занимавшего министерские посты. В 1925–1927 гг. он планировал привлечение японских компаний к разработке естественных богатств советского Дальнего Востока. В мае 1927 г. Гото передал полпреду Довгалеvскому проект создания Акционерного общества, которое предполагало получить концессию на 860 тыс. га земли в районе о. Ханко сроком на 75 лет. В советском полпредстве рекомендовали Гото сократить площадь концессии и подать соответствующую заявку в Главконцесском³⁸. В Москве посол Танака (однофамилец премьер-министра) обсуждал эту проблему с Чичериным, но японская колонизация была признана «политически вредной».

В Токио придавали большое значение визиту Гото, хотя он носил неофициальный характер. В октябре 1927 г. премьер Танака дважды обсуждал этот вопрос с Довгалеvским. Предполагалось, что Гото будет обсуждать следующие вопросы: рыболовная конвенция, концессии, китайские дела. 20 октября Довгалеvский писал Карахану: «Я понимаю Ваше нежелание терять время на безрезультатные разговоры с ветераном, но грубо отказать ему нельзя. К тому же Гото считается в Японии просоветской фигурой»³⁹.

Неофициальный характер визита Гото вызвал проблему его финансирования. В отличие от богача Кухара, Гото имел весьма скромные доходы, поэтому советской стороне пришлось брать на себя оплату пребывания Гото в Москве. 11 ноября 1927 г. в Москве было принято решение: «Признать необходимым по политическим соображениям хорошо принять Гото в Москве... за счёт НКВД»⁴⁰.

В Москве Гото дважды встречался со Сталиным (7 и 18 февраля 1928 г.), был принят главой правительства Рыковым, вёл переговоры с Чичериным и Караханом. На встрече Гото со Сталиным обсуждались проблемы Китая. Сами китайцы, по мнению Гото, не смогут решить свои проблемы. Особое внимание Гото уделял вопросу КВЖД и ЮМЖД и проблеме «совместной борьбы Японии и СССР против проникновения в Маньчжурio американцев и англичан». Обсуждался вопрос о рыболовной конвенции и торговом договоре. Но Гото уклонился от обсуждения выдви-

нутого советской стороной вопроса о заключении пакта о ненападении, сославшись на нежелание своей страны окончательно портить отношения с Англией и Америкой⁴¹.

Гото покинул Москву 21 января, а 23 января 1928 г. была подписана советско-японская рыболовная конвенция. Её заключение в Японии связывали с деятельностью Гото. По этой конвенции японские подданные получили право ловить и обрабатывать все виды рыбы и морепродуктов, кроме котиков и морских бобров, вдоль дальневосточного побережья СССР, за исключением рек и бухт (общим числом 33). Залив Петра Великого признавался внутренними водами СССР. Срок конвенции 8 лет. В 1928 г. Япония получила в аренду 255 рыболовных участков, что составляло 86% всех эксплуатируемых участков⁴².

Никакого участия в переговорах о рыболовной конвенции, имевшей для Японии столь важное значение, советское полпредство в Токио не принимало, что вызвало у его сотрудников чувство недоумения и обиды.

В сферу деятельности полпредства в Токио входила задача отслеживать японскую политику в Китае, где сталкивались интересы Японии и СССР. К концу 1920-х гг. в руководстве НКВД сложились две точки зрения по поводу политики в отношении Китая, где уже несколько лет бушевала революция. Первую представляли Чичерин и зам. наркома и полпред в Пекине Карахан, которые выступали за полную поддержку Гоминьдана и национально-освободительного движения в Китае. Чжан Цзолинь, правитель Маньчжурии, рассматривался как японский наймит, с которым можно вести переговоры лишь по «техническим» вопросам (плавание по р. Сунгари, перевозки по КВЖД и т.п.).

Вторая позиция, представленная Литвиновым и полпредом в Японии Коппом, сводилась к утверждению, что делать ставку лишь на Гоминьдан было бы неперспективно. Необходимо устанавливать хорошие отношения с «мукденским правительством» Чжан Цзолиня, ибо враждебное отношение к нему лишь усилит влияние Японии в Маньчжурии.

Беседовский, предшественник Майского на посту советника, так своеобразно отразил «инструкции», полученные им в НКВД накануне отъезда в Токио. Чичерин говорил: «Полпред т. Копп разошёлся с линией партии и линией Коминтерна в дальневосточных делах. Он затрудняет работу Карахана, саботируя подписание соглашения с Японией... Копп скоро будет отозван». Литвинов утверждал следующее: «Основная язва нашей дальневосточной политики – это Карахан. Он ничего не смыслит в той работе, которая ему поручена, и стремится изо всех сил выслужиться

перед этой подозрительной шпаной Бородиным, свалившимся нам на голову прямо из кулис чикагской биржи⁴³».

Приезд в Токио энергичного и коммуникабельного Трояновского «сузил» возможности Майского заниматься основными политическими проблемами отношений с Японией. Премьер Танака и высшие чиновники МИДа предпочитали вести дела непосредственно с полпредом. Так, 8 марта 1928 г. Танака пришёл «пешком», по его словам, «на блины» в советское полпредство и вёл «неофициальные» переговоры с Трояновским. Майский присутствовал на этой встрече, но говорил лишь полпред⁴⁴.

В письме Чичерину в сентябре 1928 г. Майский писал: «Спасаясь лишь исследовательской работой. Руководжу кружком японоведения, изучаю сам Японию и Тихий океан»⁴⁵. Итогом научных изысканий Майского явилось написание двух книг, опубликованных под псевдонимами несколько позже⁴⁶, первая из которых – серьёзное (для своего времени) исследование причин переворота 1868 г. (революция Мэйдзи), с которого капиталистическая Япония ведёт своё начало. В книге даётся характеристика режима сёгуната и причин, приведших к его свержению. Вторая книга – это, как пишет автор, «просто листки из дневника, которые писались в разное время, о разных вещах и по разным поводам, это подлинные зарисовки различных уголков японской жизни», относящиеся к 1926–1930 гг. В целом это публицистические зарисовки японского политического быта.

Изучение ситуации в дальневосточном регионе приводит Майского к выводам, близким к тем, что высказывали Литвинов и Копп. В письме к Богомолу он констатирует: «Ознакомившись ближе с маньчжурскими делами, я пришёл к твёрдому выводу, что Южная Маньчжурия (не Северная) для японского империализма абсолютно необходима (там вложено свыше 10 000 миллионов йен капитала, оттуда Япония получает уголь, железную руду...)». И далее: «Очень беспокоят меня наши маньчжурские дела». Там необходимо проявить активность и гибкость, начать «искать пути для известного соглашения с мукденцами (они сейчас ведь ничем не хуже и не лучше Чан Кайши) в плоскости сотрудничества в области хозяйственной, оказания помощи им в борьбе против японского империализма»⁴⁷.

В другом письме он отмечает, что в Маньчжурии японцы «в связи с усилением Чжан Цзолия и ростом нацдвижения в Мукдене чувствуют себя не очень сладко... Положение очень сложное, но при известной ловкости можно было бы удачно сманеврировать. Вот только сумеем ли мы это сделать»⁴⁸.

Но какое значение могло иметь мнение рядового дипломата, когда вопросы политики в отношении Китая решались в Москве на уровне Политбюро и лично Сталина!

Что касается собственно отношений между Японией и СССР, то, судя по переписке Майского, они оставались на протяжении всего 1928 г. достаточно стабильными. Так, в своих письмах он констатирует следующее: январь – «Общая линия японского правительства сейчас такая: всячески подчёркивать и укреплять «дружбу» с нами»; май – «На днях, очевидно, будет ратифицирована рыболовная конвенция. Переговоры о торговом договоре, принципиально решённые (вестиись будут в Москве), пока на точке замерзания: ни мы, ни они не считаем удобным форсировать их начало»; сентябрь – «В политике у нас здесь сейчас затишье. Японцы попали в клещи между американским империализмом и китайским национальным движением. Отсюда их нежелание осложнять отношения с нами. По крайней мере, не сейчас»⁴⁹.

Майский затрагивает ещё одну проблему, серьёзно осложнявшую жизнь советских дипломатов в Японии. В письме Чичерину от 6 января 1928 г. он писал: «Основное зло, которое здесь буквально отравляет нам существование и связывает нас по рукам и ногам, это полиция. Человек, не побывавший сам в Японии, не может себе конкретно представить, какой всемогущий и всевидящий аппарат представляет из себя это почтенное учреждение... Япония Токугавской эпохи была изумительно организованным полицейским государством. Это не прошло даром. Япония наших дней тоже глубоко полицейское государство, несомненно, самое полицейское из всех существующих сейчас в мире»⁵⁰.

Осенью 1928 г. Майский решает покинуть Японию. Энергичному и честолюбивому человеку вовсе не хотелось оставаться в полпредстве на «вторых» ролях. В одном из писем Литвинову он писал: «Беседовский перед моим отъездом в Японию предупреждал меня, для двоих, полпреда и советника, в Токио не хватит политической работы. Он был прав».

8 ноября 1928 г. Майский официально обращается к Литвинову: «Я вынужден просить о скорейшем откомандировании меня из Японии. Суть дела в том, что состояние здоровья моей жены становится всё более угрожающим. Откомандирование меня из Токио сильно облегчается ещё тем обстоятельством, что, в сущности, здесь нет острой необходимости непременно иметь советника. С т. Трояновским мы договорились, он обещал не чинить препятствий к моему отъезду из Токио... Я не имею возражений против Запада»⁵¹.

Литвинов довольно быстро откликается на просьбу Майского. 6 декабря 1928 г. он предлагает пост полпреда в Литве. «Должен Вам сказать, – пишет Литвинов, – что этот пост считается сейчас четвёртым по значению (Берлин, Париж, Варшава, Ковно), ибо в Ковно, может быть, увязываются в данный момент вопросы войны и мира». При этом зам. наркома несколько таинственно добавлял: «Имею в виду ещё другую комбинацию, но не уверен в проведении её, и Вам сообщать пока не буду»⁵².

Однако Литва с её захолустной столицей не заинтересовала Майского, и он стал ждать решения «другой комбинации». 10 января 1929 г. Политбюро постановило отозвать Майского из Токио «в распоряжение НКВД». 23 января, поблагодарив Литвинова за быстроту в решении его просьбы, Майский писал: «Надеюсь, что и при решении моей дальнейшей судьбы я найду с Вашей стороны такое же внимание и дружескую симпатию».

Надежды Майского оправдались: 11 апреля Политбюро приняло решение направить его полпредом в Финляндию. 29 апреля 1929 г. ЦИК СССР утвердил Майского на этом посту, а 28 мая он вручил свои верительные грамоты президенту Финляндии. Началась новая глава в дипломатической карьере Майского, уже на более высоком уровне.

Майский приехал в Финляндию в не лучшие времена для советско-финских отношений. Получив независимость от Советской России, правящие круги этой страны, тем не менее, с самого начала враждебно относились к своему соседу. Майскому пришлось столкнуться с этой враждебностью, как только он прибыл в Хельсинки. В письме Г. Уэллсу он писал: «Политический климат здесь значительно тяжелее, чем на Дальнем Востоке. Финляндия всегда была подвержена сильной русофобии. А сейчас, особенно в последние несколько месяцев, под влиянием фашистского лапуаского движения это чувство переросло чуть ли не в настоящее умопомешательство... Мне, пожалуй, труднее сейчас здесь, чем было в 1926–1927 гг. в Лондоне»⁵³.

Дипломатическая переписка между Москвой и Хельсинки пестрит взаимными обвинениями и претензиями, в основном по частным пограничным вопросам. На Западе делались попытки втянуть Финляндию в антисоветский «санитарный кордон» наряду с Польшей и странами Балтии. Майскому приходилось вникать и разбираться во всех этих проблемах. Но особенно угнетал повседневный бытовой антисоветизм. Антисоветская вакханалия 1929–1930 гг. отмечается во многих письмах Майского. Так, в частном письме от 17 сентября 1930 г. он отмечал «необыкновенно тяжёлую политическую атмосферу, в которой нам приходится

жить и работать. Вы помните английскую обстановку 1926–1927 гг.? В Финляндии сейчас гораздо хуже. Один сплошной лес враждебности, русофобии и советофобии, в котором не видно просвета»⁵⁴.

Обстановка стала улучшаться лишь к концу 1930 г. 14 декабря 1930 г. Майский сообщает Литвинову: «Общее положение в Финляндии для нас по-прежнему тяжёлое, но сейчас всё-таки несколько тише и спокойнее, чем раньше»⁵⁵.

Достижением Майского как дипломата было доведение до конца переговоров с правительством Финляндии и подписание 21 января 1932 г. советско-финского Договора о ненападении и о мирном улаживании конфликтов. Переговоры были начаты ещё в 1926 г., но были прерваны по вине Финляндии.

Согласно договору, обе стороны взаимно гарантировали неприкосновенность границ, установленных в 1920 г. Юрьевским мирным договором. Стороны обязались взаимно воздерживаться от нападения друг на друга, в случае нападения третьей державы на одну из сторон другая обязывалась сохранять нейтралитет в продолжение всего конфликта. Стороны обязались не участвовать в договорах или соглашениях, враждебных другой стороне. Срок действия Договора был установлен 3 года, в апреле 1934 г. его действие было продлено.

Это был первый международный документ, под которым стояла подпись Майского. Но его интересы не ограничивались рамками небольшой страны его аккредитации. Майский размышляет над проблемами обеспечения безопасности СССР на северо-западном направлении. Он пишет Литвинову, ставшему в 1930 г. наркомом иностранных дел, как можно разрушить единый фронт прибалтийских государств и Польши, направленный против СССР. «В интересах лучшего обеспечения мира на протяжении ближайших 2–3 лет следовало бы вбить крепкий клин в создающийся «санитарный кордон» от Финляндии до Румынии». По мнению Майского, нужно «купить всерьёз» наиболее слабое звено в созвездии лимитрофов – Эстонию и поддерживать политически и экономически Литву»⁵⁶.

Как раз в период работы Майского в Финляндии, в октябре 1929 г., произошло бегство советника полпредства во Франции Беседовского на Запад. Это был не единственный случай. На ноябрьском 1929 г. пленуме ЦК ВКП(б) было сообщено, что 72 сотрудника советских загранучреждений (с конца 1928 г.) отказались вернуться в СССР. Но дело Беседовского было самым громким.

По данной проблеме Майский выступает сторонником самых жёстких мер. 14 октября 1929 г. он пишет Литвинову: «...неужели т. Довгалеvский (полпред в Париже) ничего не видел? Парижское полпредство, очевидно, придётся расформировать. Останется ли т. Довгалеvский? Его положение там сейчас более чем затруднительное. Как будет дело о чистке заграничных работников? Когда она состоится и в какой форме?»⁵⁷.

Несколько позднее, уже в связи с бегством ряда сотрудников советских учреждений в Стокгольме, Майский в личном письме наркому снова затрагивает эту тему. «Я считаю, что нынешнее положение требует каких-то решительных мер. Необходимо в самом срочном порядке произвести партпроверку в Прибалтике, Скандинавии... Я думаю, что настало время, когда надо было бы произвести тщательный пересмотр всех наших работников за границей (независимо от партпроверки) под углом зрения их пригодности для дальнейшей работы в чужих странах». НКВД надо бы создать секретную комиссию, «которая просмотрела бы одного за другим всех заграничных работников и со всей тщательностью отобрала бы из них тех, которых можно оставить за границей»⁵⁸.

Но Литвинов отнёсся ко всему этому достаточно спокойно. 26 апреля 1930 г. он в письме Майскому отмечал: «...к слухам, распространяемым главным образом дипкурьерами, не следует относиться с полным доверием, ибо они часто преувеличивают и искажают события». 1937 год был ещё далеко. Поэтому Литвинов писал: «ниоткуда не следует, что дело Б. должно повлечь за собой уход Довгалеvского или других сотрудников». И далее: «Некоторые из Ваших предложений давно осуществляются... Если бы они были осуществлены и год тому назад, то это несколько не избавило бы нас от дела Беседовского»⁵⁹.

Руководство страны решило не раздувать дело Беседовского и придать ему не политический, а уголовный характер. 8 октября 1929 г. в «Известиях» было опубликовано заявление ТАСС, выражавшее официальную точку зрения. В нём говорилось: «Бывший советник посольства Беседовский, который в прошлом вёл образ жизни далеко не по средствам, растратил значительную сумму денег, доверенных ему, и оказался не в состоянии отчитаться за неё... Желая избежать предстоящей финансовой ревизии, Беседовский сделал попытку представить инцидент как политический, коим он в действительности не является, поскольку носит чисто уголовный характер».

Летом 1932 г. Майский с супругой проводят отпуск в поездке по Швеции, Норвегии, Эстонии. Полпред в Швеции А.М. Коллонтай записывает в

дневнике впечатления о своём коллеге: «Майский – живой человек с глазами, умом и чувствами, открытыми для восприятия жизни во всех её проявлениях и областях... Его интересуют научные проблемы, достижения в Союзе не только по печати, а наглядно им самим воспринятые. Майские ездили на Беломорский канал и так живо о нём рассказывали. И люди интересуют Майского, и город Стокгольм осматривали с интересом... И впечатления свои он умеет сортировать и делать интересные общие выводы»⁶⁰.

Но работа в маленькой Финляндии больше не удовлетворяет Майского. В ноябре 1930 г. он пишет Литвинову: «Финляндия не такая страна, в которой желающему активно и плодотворно работать полпреду стоило бы особенно долго задерживаться. Политическая почва здесь для нас крайне камениста и рассчитывать на сколько-нибудь серьёзные достижения в области дипломатической не приходится. Просил бы Вас поэтому иметь меня в виду при каких-либо возможных передвижках как для работы в Москве (но в НКВД), так и за границей. Моё намерение всерьёз и надолго заняться дипломатической работой за предшествующие годы не ослабло, а ещё более укрепилось»⁶¹.

В феврале 1931 г. Майский просит наркома перевести его в Вену «ради здоровья жены». Но Литвинов отговаривает его от этого, ссылаясь на то, что Вена после мировой войны потеряла своё международное значение. В конечном счёте Литвинову удалось «трудоустроить» Майского. В сентябре 1932 г. Политбюро утвердило его полпредом в Англии, о чём нарком с удовлетворением сообщил ему: «Решение о Вашем назначении через инстанцию провёл...»⁶².

Решение Политбюро от 1 сентября 1932 г. гласило: «1). Отозвать т. Сокольникова, согласно его просьбе, от обязанностей полпреда в Англии. 2). Предрешить назначение полпредом в Англии т. Майского со вступлением его в обязанности полпреда не позднее 15 октября с.г. 3). Предложить т. Сокольникову выехать в Лондон и оставаться там до приезда нового полпреда (до 15 октября)»⁶³.

Первый опыт самостоятельной полпредской работы в Финляндии оказался в целом достаточно удачным. Был подписан с Финляндией договор о ненападении, несколько улучшилась сама атмосфера взаимоотношений между двумя странами. Свой вклад в это внёс и полпред Майский. 11 декабря 1932 г. он писал А.М. Коллонтай: «Из Финляндии я уезжал с хорошим чувством. Испытываю известное внутреннее удовлетворение. Кое-что было сделано, кое-что было достигнуто. Финны, по-видимому, это ощутили, ибо проводы мои они устроили очень тёплые»⁶⁴.

Представлять СССР в столице одной из великих держав мира – это был уже качественно иной уровень в дипломатической карьере. Работа вначале советником в Лондоне и Токио, а затем полпредом в Финляндии обогатила Майского опытом дипломатической деятельности, ввела его в круг проблем большой политики. Сам Майский теперь считал себя вполне подготовленным для такого поста. Обобщая собственный почти десятилетний опыт дипломатической работы, Майский констатировал: «Дипломатия – это искусство (весьма сложное и трудное) использовать до максимума в своих интересах благоприятную для тебя ситуацию и сводить до минимума отрицательный эффект неблагоприятной для тебя ситуации. Мы этим искусством владеем в довольно высокой степени»⁶⁵.

Глава 2. РАБОТА В ЛОНДОНЕ. 1932 – 21 ИЮНЯ 1941 г.

Работа полпредом (послом) в Англии явилась вершиной в дипломатической карьере Майского. Не в смысле служебном, а в смысле приобщения его к высшему уровню мировой политики, когда Майский стал участвовать в контактах Сталина с Черчиллем и Рузвельтом.

В начале 30-х гг. это трудно было представить. Сам Майский утверждал, что назначение его полпредом в Лондон явилось для него полной неожиданностью. Действительно, он просился в провинциальную Вену, Литвинов снова предлагал Литву. И тут неожиданное решение Политбюро отозвать Сокольников из Лондона и перевести туда Майского.

Пост полпреда в Лондоне был тогда, конечно, важным, но не перво-степенным. Главным направлением европейской политики СССР в 20-е гг. были взаимоотношения с Германией (приоритетные при Г.В. Чичерине), а в 30-е гг. – с Францией (приоритетные при М.М. Литвинове). В декабре 1933 г. Литвинов сообщал в Париж полпреду Довгалевскому: «Мы взяли твёрдый курс на сближение с Францией»¹.

Отношения с Англией на протяжении всех 30-х гг. находились на традиционно-прохладном уровне. Никаких прорывов на этом направлении в Москве не ожидали. Поэтому и работал Майский на своём посту многие годы, хотя в 30-е гг. в Берлине сменилось шесть полпредов, в Париже – три, Вашингтоне – три. Майский мог по три месяца находиться в отпуске: НКВД не смущало отсутствие в Лондоне на столь долгое время главы полпредства. Более того, полпреда в Лондоне не всегда информировали из Москвы о важных дипломатических событиях. Так, в марте 1934 г. Майский жаловался Литвинову: «Очень грустно всё-таки, что НКВД плохо информирует о происходящем»². В дальнейшем Майского не привлекали к участию в тройственных переговорах весной–летом 1939 г., о приезде Риббентропа в Москву и подписании советско-германского договора о ненападении, а затем о вводе советских войск в Польшу он узнал из сообщений британской прессы. В том же 1939 г. в Лондоне пытались обвинить Майского в утечке секретной информации о предложениях британского правительства правительству СССР. Но британский Форин офис не мог даже предположить, что об этих предложениях полпред Майский не был даже информирован³.

Основным источником о работе Майского в Англии, помимо служебной и личной переписки, является «Дневник дипломата», который автор вёл с 1934 (первая запись сделана 12 июля 1934 г.) по 1943 год (последняя

запись сделана 29 декабря 1943 г.). «Дневник дипломата» был опубликован в 2006–2009 гг. Дневник – достаточно распространённый вид исторического источника. Наиболее ценны дневники, авторы которых не предполагали их публикацию при своей жизни. Такие дневники, как правило, содержат интересную, часто очень конфиденциальную информацию.

«Дневник дипломата» Майского, как отмечают его публикаторы, по широте тематики, по охвату проблем превосходит мемуары автора⁴. Действительно, трудно найти аналог этой публикации. Может быть, по объёму и тематике материала «Дневник дипломата» можно сравнить с «Военным дневником» начальника германского генерального штаба Ф. Гальдера, который он вёл с 1938 по 1942 г. Хотя имеются и существенные различия⁵. Так, с чисто немецкой педантичностью Гальдер вёл каждодневные записи, не пропуская ни одного дня. Майский же, как он сам отмечал, вёл дневник «регулярно, но не каждодневно». Поэтому имеются в тексте значительные временные пропуски, иногда по несколько месяцев. Непонятно, почему нередко в месяц делается 1–2 записи, а иногда – по 15–20. Наибольшее количество записей «Дневнике дипломата» приходится на 1939 год, наименьшее – на 1936 год.

И другое, более существенное отличие. В «Военном дневнике» Гальдер нередко записывал критические замечания в адрес Гитлера по поводу его некомпетентного вмешательства в чисто военные дела. Поэтому когда Гальдера сняли с поста начальника генерального штаба, он спрятал свой дневник. И это спасло ему жизнь, когда он был арестован и отправлен в концлагерь, откуда его освободили американцы. После войны с согласия Гальдера его дневник был опубликован.

Иное дело «Дневник дипломата». Майский знал, что у его Дневника будет Главный читатель. Поэтому внутренний цензор убрал из Дневника всё, что могло не понравиться этому Главному читателю, касалось ли это внутреннего положения СССР или внешней политики страны. Дневник демонстрировал полную лояльность автора к существующему режиму и вождю.

В декабре 1941 г. Майский сопровождал Идена в Москву. С собой он взял Дневник, чтобы передать его Сталину. В сопроводительном письме он отмечал: «...с исторической точки зрения этот дневник несомненно представляет известный интерес... за указанные семь лет я имел возможность входить в сношения с крупнейшими политическими деятелями Англии и др. стран. Направляю свой Дневник Вам. Делайте с ним, что найдёте нужным. Издавать его сейчас, хотя бы частично, едва ли возможно... В более отдалённом будущем мой дневник или наиболее интересные выдержки из него, пожалуй, и могли бы быть изданы... Он может

пригодиться будущему историку нашей эпохи»⁶. Позднее, будучи отозван в Москву, Майский пишет жене в Лондон: «Мои записки переслать т. Сталину»⁷.

Передавая свой Дневник Сталину, Майский испросил его согласия на публикацию своих воспоминаний о юности. Такое согласие было дано, и в 1944 г. в журнале «Новый мир», а затем и отдельной книгой были опубликованы воспоминания Майского «Перед бурей».

В октябре 1932 г. Майский прибыл в Англию. Для него это была знакомая страна. В одном из частных писем он отмечал: «Всё-таки лично мне давнее знакомство с Англией сильно помогает ориентироваться в новых условиях»⁸. 8 ноября 1932 г. он вручил верительные грамоты королю Георгу V и приступил к выполнению своих функций полномочного представителя СССР.

Первым серьёзным испытанием для нового полпреда стали переговоры по торговому договору с Англией, который был денонсирован британским правительством 16 октября 1932 г. Обстоятельства этих переговоров подробно показаны Майским в его мемуарах⁹. Ход переговоров был осложнён делом «Метрополитен-Виккерс», когда в СССР была арестована группа английских инженеров этой фирмы, обвинённых в шпионаже. Майский писал Коллонтай: «Аресты вызвали в Англии совершенно бешеную анти-советскую кампанию. Пострадали при этом и торговые переговоры»¹⁰.

В целях давления на советскую сторону в апреле 1933 г. в Англии был принят закон об эмбарго на импорт из СССР (леса, хлеба, нефти и др.), что составляло почти 80% всего советского импорта. Это был ответ на обвинительный приговор советского суда. Но после того как осуждённые британские граждане были высланы из СССР, закон об эмбарго с 1 июля 1933 г. был отменён.

Политбюро приняло специальные директивы полпреду Майскому и торгпреду Озёрскому по переговорам по торговому договору. Опираясь на это директивы, Майский разрабатывает тактику ведения переговоров. Он писал Литвинову: «Совершенно очевидно, что исход переговоров будет зависеть от вопроса о торговом балансе». В Англии очень недовольны, что баланс этот в пользу СССР. Поэтому полпред предлагал пойти в этом вопросе на уступки, но получить взамен «гарантии против всякого исключительного режима или косвенных дискриминаций»¹¹. Встретив противодействие со стороны английской делегации, Майский в письме к наркому рекомендует: «Целесообразнее несколько поканителить и попробовать таким образом выжать из англичан кое-какие уступки. Наша делегация ставит перед Москвой вопрос о частичном замораживании переговоров на ближайшие 1–2 месяца»¹².

В конечном счёте, англо-советское торговое соглашение после пятнадцатимесячных переговоров было подписано 16 февраля 1934 г. С советской стороны соглашение подписал полпред Майский. Майский пишет Чичерину: «Атмосфера в англо-советских отношениях в результате прошлогодних боёв и подписания торгового соглашения стала несколько спокойнее. Однако до «дружбы» ещё далеко»¹³.

За период работы Майского в Лондоне в качестве полпреда в Англии сменились три монарха – Георг V, Эдуард VIII и Георг VI – и четыре кабинета – Р. Макдональда (1930–1935 гг.), С. Болдуина (1935–1937 гг.), Н. Чемберлена (1937–1940 гг.) и У. Черчилля (с 1940 г.). Все эти годы в политической жизни страны преобладала консервативная партия, определявшая основные направления внутренней и внешней политики.

Выполняя указание наркома, Майский стремится устанавливать контакты с влиятельными деятелями консервативной партии, и небезуспешно. Его эрудиция, понимание британского образа жизни, умение «разговаривать», важное для дипломата, способствуют этому. В ноябре 1935 г. в личном письме Литвинову он писал: «Мне удалось здесь завоевать себе неплохое положение в правительственных и общественно-политических кругах... у меня очень хорошие отношения с Ванситартом (постоянный зам. министра иностранных дел. – Б.Ж.). С каждым днём передо мной открываются здесь всё новые и новые двери, намечаются всё новые и новые возможности»¹⁴.

1934–1935 гг. были ознаменованы в европейской политике выдвижением Францией (в лице министра иностранных дел Л. Барту) и СССР проекта Восточного пакта с целью противостоять агрессивной политике Германии. Позиция британского правительства, судя по дневниковым записям Майского, не отличалась определённой ясностью. С одной стороны, Ванситарт заверял полпреда, что Британия поддерживает этот проект, но с другой, министр иностранных дел Саймон утверждал, что Германия сначала должна стать равноправной с другими великими державами, в т.ч. и в вооружениях.

В сентябре 1934 г. Германия и Польша отказались от участия в Восточном пакте, в октябре 1934 г. был убит Л. Барту и министром иностранных дел Франции стал П. Лаваль. 5 марта 1935 г. Майский записывает в Дневнике: Саймон в Англии, Лаваль во Франции – «худших с нашей точки зрения министров иностранных дел в такой серьёзный период трудно представить»¹⁵.

С конца февраля 1935 г. в британской прессе обсуждается вопрос о возможной поездке британского министра в Москву, чтобы сдвинуть с места застывшие отношения между двумя странами. Обсуждались две

кандидатуры: Саймона и Идена, занимавшего второстепенный пост лорда-хранителя печати. 28 февраля Майский записывает в Дневнике: «Надо было в той или иной форме... сделать поощрительный жест. Но у нас в Москве упёрлись»¹⁶.

Однако такой жест был сделан. 8 марта 1935 г. Политбюро постановило: «Дать следующую директиву полпреду в Англии – заявить немедленно Ванситарту, что советское правительство очень радо приезду Идена в Москву и официально приглашает его. Что касается срока, то мы считаем желательным его немедленный приезд»¹⁷. 14 марта Литвинов сообщил, что Сталин примет Идена и что Майский должен сопровождать британского министра.

Размышляя над создавшейся ситуацией, Майский приходит к выводу о предпочтительности поездки в Москву именно Идена. Он записывает в Дневнике: «Несомненно, что решение о поездке Идена, а не Саймона является лёгкой формой антисоветской дискриминации со стороны бри(танского) пра(вительства). Но Иден – восходящая звезда, а Саймон – заходящая»¹⁸. Много лет спустя Майский вернулся к этой теме и пояснил, почему советское правительство согласилось на визит «младшего министра». Он писал: «Советское правительство считало, что результатом визита британского министра в Москву может быть только коммюнике, и мы были заинтересованы в том, чтобы это коммюнике возможно лучше служило делу мира. Советское правительство сомневалось, что получит хорошее коммюнике, если в Москву приедет такой махровый «умиротворитель» как Саймон. Поэтому оно предпочло иметь в качестве гостя Идена, с которым легче было найти общий язык, чем с Саймоном, и оно оказалось правым»¹⁹.

Первоначально Саймон и Иден посетили Берлин, где 25 и 26 марта 1935 г. слушали разглагольствования Гитлера о «русской угрозе» и необходимости сотрудничества западных стран «для защиты Европы от азиатской и большевистской опасности». Затем Саймон вернулся в Лондон, а Иден направился в Москву.

Это был первый визит британского министра в СССР после революции 1917 г. 29 марта Иден был принят Сталиным. На беседе присутствовали Литвинов и Майский, для которого это была первая личная встреча с вождём. Визит Идена, несмотря на тёплую атмосферу на переговорах, не привёл к прорыву в англо-советских отношениях и в политике коллективной безопасности. Подозрительность и недоверие в отношении СССР и продолжение поиска договорённости с Германией характеризовали британскую политику в середине 30-х гг.

Майский, размышляя о ситуации в правящих кругах в связи с проблемами внешней политики, отмечает, что в стране имеется «сильное анти-

советское течение, которое именно поэтому является прогерманским; наряду с этим сильное профранцузское течение, которое именно поэтому является антигерманским и склонным терпимо относиться к СССР; сильное прояпонское течение, которое вместе с тем является антисоветским; крупное проамериканское течение, которое именно поэтому является антияпонским и склонно терпимо относиться к СССР, весьма значительное течение... против «жёлтой опасности», которое стремится найти пути примирения с Германией»²⁰.

При всей этой разногласии наиболее чётко просматривается курс на умиротворение Германии. На прошедших в 1935 г. парламентских выборах побеждают консерваторы, и в новом правительстве С. Болдуина пост министра иностранных дел занимает С. Хор, продолживший политику своего предшественника по умиротворению нацистской Германии.

Тем временем события в Европе принимают всё более тревожный характер. Италия при попустительстве Англии и Франции захватила Абиссинию, Германия нарушает одну за другой ограничительные статьи Версальского договора. Подписано англо-германское морское соглашение, давшее зелёный свет воссозданию морской мощи нацистской Германии. В 1936 г. в Испании начинается гражданская война, в которую на стороне мятежников вмешиваются Италия и Германия. Майский записывает в Дневнике: «Лига Наций в гробу. Европа подошла к роковому перекрёстку, пахнет порохом. Страшная буря со стремительной быстротой приближается»²¹.

В марте 1936 г. Майский записывает свои впечатления о реакции Англии на ввод немецких войск в демилитаризованную Рейнскую область: «Не нравится мне реакция Англии на гитлеровский удар в Рейнской области... чувствуется, что на очереди новый и очень опасный германфильский зигзаг в британской политике»²².

Анализируя ситуацию в правящих кругах страны, Майский приходит к следующим выводам. «В Англии идёт сейчас борьба между тремя главными течениями: 1 – полные изоляционисты (Бивербрук, Ротермир и др.), т.е. выход из Лиги наций, отказ от Локарно, усиление британских вооружений, открытое возвращение к «политике равновесия» и всемерное развитие Империи. 2 – полуизоляционисты (большинство консерваторов и британского правительства, «Таймс», «Дейли телеграф», «Морнинг пост» и др.), т.е. аннулирование (де-юре или де-факто) ст. 10 и 16 Ковенанта, превращение Лиги в нечто вроде «примирительной комиссии», ограничение своих военных обязательств в Локарно, поиски соглашения с Германией, примирение между Францией и Германией. 3 – действительная коллективная безопасность (лейбористы, либералы, консер-

ваторы типа Р. Сесиля и В. Литтона, «Деили геральд», «Ньюс кроникл», «Манчестер гардиан» и др.), т.е. укрепление коллективной безопасности и Лиги Наций, европейский пакт взаимопомощи, твёрдые обязательства держав, в том числе Англии поддерживать коллективную безопасность силою оружия в любой части Европы.

...Самое сильное течение второе. Это развязывает Германии руки на Востоке и Юго-Востоке. Но сильны позиции первого и третьего течения... В итоге получается разброд и топтание на месте»²³.

Иллюстрируя это разброд в британском истеблишменте, он отмечает в записи от 26 мая 1939 г.: «Черчилль рвёт и мечет по поводу бесхребетности и нерешительности правительства. Вина за это ложится главным образом на Болдуина». Затем 28 мая: «На завтраке у меня сэр Эдуард Григ и генерал Спирс «крыли матом» (поскольку это возможно на английском языке и за столом посла великой державы) Болдуина и правительство»²⁴.

Нужно отметить, что вторая половина 1936 г. не отражена на страницах Дневника Майского. После создания Комитета по невмешательству в испанские дела полпред Майский и военно-морской атташе Чикунский были назначены представителями СССР в этой организации. Обо всём этом Майский пишет в своих мемуарах²⁵.

Майский как представитель СССР поставил свою подпись под англо-советским соглашением об ограничении морских вооружений. Переговоры по этому соглашению начались ещё в мае 1936 г. и завершились на основе компромисса. Соглашение устанавливало согласованные количественные лимиты для разных классов военно-морских судов и предусматривало взаимную информацию о военно-морском строительстве. Но какого-то заметного улучшения отношений между двумя странами это соглашение не принесло.

По долгу службы Майскому приходилось разяснять и оправдывать некоторые события внутренней жизни СССР, которые вызывали обеспокоенность общественного мнения в Англии. Так, ему приходилось отвергать как клеветнические сообщения британской прессы о голоде в СССР в 1932–1933 гг. В декабре 1934 г. ему было направлено письмо 43 общественных деятелей Англии с протестом против репрессий в связи с убийством С.М. Кирова. 31 декабря 1934 г. по согласованию с Москвой Майский принял делегацию британских тред-юнионов во главе с Ситриным (всего 10 человек) и попытался разяснить ситуацию в СССР в соответствующем официальном духе²⁶.

Особенно большой общественный резонанс в Англии вызвали политические процессы конца 30-х гг. Майский, хорошо зная, как готовятся и проводятся подобные судебные процессы (он сам участвовал в процессе

правых эсеров в 1922 г.), был вынужден оправдывать официальную позицию. Особое беспокойство репрессии вызывали у тех британских политических деятелей, которые рассматривали СССР как потенциального союзника против нацистской Германии. 16 ноября 1937 г. на приёме у короля Георга VI Черчилль стал расспрашивать полпреда о репрессиях в руководстве Красной Армии. Майский записывал в Дневнике: «...шаг за шагом я стал разбирать столь обычные здесь в настоящее время рассказы об эффекте «чистки» на общее положение СССР». В марте 1938 г. состоялась новая встреча Майского с Черчиллем. В Дневнике это зафиксировано следующим образом: «Я застал Черчилля в большом волнении. Он сразу обратился ко мне со следующей речью... «Скажите мне, пожалуйста, вполне откровенно, что происходит в Вашей стране?» Ответ полпреда был стандартным: «Я высмеял английские инсинуации и разъяснил истинное положение вещей»²⁷.

Москва пыталась провести определённую пропагандистскую акцию. Так, материалы судебного процесса, где одним из обвиняемых был бывший полпред в Англии Г. Сокольников, были переведены на английский язык и рассылались через полпредство политическим и общественным деятелям.

Наиболее чётко свою позицию Майский выразил в письме лорду Понсоби 4 марта 1938 г.: «...судебное разбирательство проходит открыто, в открытом суде, и все обвиняемые имеют возможность защищать себя»²⁸.

Как известно, политические репрессии не обошли и НКВД. Были репрессированы многие полпреды (в т.ч. личный друг Майского полпред в Китае Д. Богомолов, о чём он не упоминает ни в Дневнике, ни в переписке) и руководители отделов наркомата. В январе 1939 г. Литвинов докладывал Сталину о вакансиях полпредов в девяти странах.

Сам Майский не пострадал, но был вынужден оправдываться и каяться, что не проявил должной бдительности. Он писал в автобиографии, что «проглядел врагов народа в непосредственной близости». Из состава работников в Лондоне были репрессированы военный атташе В.К. Путьна, торгпред А.В. Озёрский, второй секретарь С.П. Столяр. В декабре 1937 г. Майский пишет в НКВД: «Я от души приветствую вливание свежих сил в кадры НКВД и постараюсь, со своей стороны, помочь этим новым людям поскорее стать на ноги». Хотя при этом он добавлял: «Но всё-таки необходимо учитывать, что приезжают к нам люди совершенно неопытные в дипломатической работе, которая в таком центре, как Лондон, весьма сложна и деликатна»²⁹.

Доминирующая тема в Дневнике за 1938 год – мюнхенская политика Англии и Франции и отношение к ней британских государственных и

общественных деятелей. В начале 1938 г. происходят изменения в руководстве дипломатической службы в Англии. 20 февраля уходит в отставку Иден, министром иностранных дел становится лорд Галифакс. Ванситарт назначен главным дипломатическим советником, его место в Форин офис занимает А. Кадоган. Всё это Майский констатирует с сожалением. В отличие от Чемберлена, который «хочет во что бы то ни стало договориться с Германией и Италией о какой-либо форме западной безопасности», Иден против этой политики как близорукой и слишком бьющей в лицо всем принципам Лиги Наций». И далее: «...на каждом повороте политики Иден хочет оставаться в контакте с СССР. Это очень утешительно и это то новое, что я замечаю за ним в последнее время»³⁰.

Записи за 1938 г. занимают значительную часть всего первого тома Дневника (116 стр.), значительно больше того, что уделено событиям этого года в мемуарах.

Автор прекрасным литературным языком, нередко в форме диалога повествует о своих встречах и беседах с британскими политиками, даёт оценки тем или иным акциям британского руководства. Перемены в правительстве он характеризует негативно. 1 марта 1938 г. он записывал: «Ни в отношении Центральной Европы, ни в отношении Испании новое руководство британской внешней политики не шевельнёт и пальцем»³¹.

Тем временем чехословацкий кризис набирает обороты. Вернувшись из отпуска в Лондон, Майский в начале августа встречается с Галифаксом для обсуждения сложившейся ситуации. Британский министр говорил полпреду: «ЧС – искусственное государство, которое не в состоянии ни само защищаться, ни получить помощь извне. Французы должны сильнее нажать на Прагу, требуя от последней решительных уступок Гитлеру»³². Иной была позиция Черчилля, который говорил Майскому: «Англия, Франция, СССР должны вручить Германии коллективную ноту... с протестом против угрозы нападения на ЧС». Такой демарш «положит начало «оси» Лондон–Париж–Москва»³³.

Но Черчилль – в оппозиции, реальная власть у Чемберлена и Галифакса, которых поддерживает большинство членов кабинета.

В сентябре 1938 г. Майский в Женеве на сессии Ассамблеи Лиги Наций. 19 сентября он записывает в Дневнике: «Какое мёртвое место сейчас Женева... В мире происходят величайшей важности события... а мы здесь, в этой мешанской, тупой и скучной Женеве слоняемся, как дохлые мухи, по коридорам Лиги Наций и наших гостиц в ожидании новостей из той большой и настоящей (хотя бы и очень гнусной и противной) жизни, которая бурным потоком несётся где-то там... Как жаль, что я сейчас в Женеве, а не в Лондоне»³⁴.

Кульминация чехословацкого кризиса пришлась на сентябрь 1938 г. 21 сентября правительство Чехословакии приняло англо-французский ультиматум. Чемберлен, сев впервые в жизни в самолёт, отправился на встречу с Гитлером вначале в Берхтесгадене, затем в Бад-Годесберге. Вернувшись в Лондон, на встрече с лидерами лейбористов Эттли и Гринвудом Чемберлен заявил: «Я видел Гитлера и верю ему»³⁵. Майский отмечает, что военная тревога охватила Англию и достигла своего апогея 28 сентября. Ждали бомбардировок германской авиации, рыли убежища, раздавали противогазы. 29 сентября в Мюнхене Чемберлен и Даладьё согласились передать Германии Судетскую область Чехословакии.

3 октября начались в парламенте 4-дневные дебаты. Майский записывал в Дневнике: «Дебаты всё время шли на высоком уровне напряжения, иногда принимали бурный характер. Выступило не менее 60 ораторов. Линия водораздела прошла очень резко... Выступления с правительственной стороны в большинстве были неудачными»³⁶. Так виделось из дипломатической ложи.

Но любопытно мнение другого очевидца этих событий, смотревшего из гостевой ложи. Е.В. Саблин, бывший российский дипломат, постоянно проживающий в Лондоне, в письме, направленном в Париж В.А. Маклакову, писал следующее: «...мы здесь также переживаем весьма тревожные дни... хотя англичане проявляют большую выдержку. Герой дня, конечно, Чемберлен, есть, конечно, люди, которые его критикуют... (Но) я думаю, что девяносто девять процентов англичан за Чемберлена... (хотя) все без исключения переживали эти поездки к Гитлеру определённо тяжело... Из газет Вам известно, что произошло в результате поездки Чемберлена в Мюнхен. Все дипломатические манеры были позабыты, и овации в адрес Чемберлена приняли характер какого-то неистовства. Многие даже плакали. Что творилось среди публики на галерее – не поддаётся описанию... Воевать в самом деле никто здесь не хочет»³⁷.

Подводя итоги событиям 1938 г., Майский приводит слова, сказанные ему Галифаксом: «Сейчас в мире проходит борьба двух идеологических фронтов – фашизма и коммунизма... В борьбе между двумя фронтами мы занимаем нейтральное или, если хотите, срединное положение»³⁸. В действительности дело обстояло далеко не так. Мюнхенская политика негативно сказалась на взаимоотношениях СССР и Англии. Это проявлялось даже на протокольных мероприятиях. Майский отмечает, что на банкете в честь прибытия в Лондон румынского короля у Георга VI «отношение королевского дома, в частности короля и королевы, к нам, ко мне и Агнии, представителям СССР, на это раз было гораздо более враждебное и холодно-натянутое»³⁹. Так завершился 1938 год.

1939 год также достаточно полно отражён в Дневнике Майского. Им было сделано 174 записи (по сравнению с 40 записями в 1937 г.). Эти записи воссоздают картину политической жизни Европы накануне войны, характеризуют европейскую политику Англии, Франции, Германии, англо-советские отношения и тройственные переговоры. Дневниковые записи за предвоенные годы использованы в статьях Л.В. Поздеевой⁴⁰.

Майский передаёт ощущение тревоги, охватившее с начала 1939 г. британские правительственные и общественные круги. Уже 20 января Ванситарт говорил ему, что «европейская ситуация исключительно опасна... Гитлер и Муссолини окрылены своими успехами. Они потеряли равновесие и готовятся к диким авантюрам. Гитлер уже прямо ставит перед собой в качестве цели – мировое господство». По мнению этого дипломата, интересы Англии, Франции и СССР «идентичны»⁴¹.

Отношение к полпреду меняется даже внешне. 20 февраля Черчилль впервые переступает порог советского полпредства. До этого он предпочитал контактировать с Майским на «нейтральной» территории. Больше того, 1 марта полпредство впервые посетил Чемберлен. Майский отмечает в Дневнике, что в «хорошие» времена (1935–1936 гг.) из 100 приглашений на приём в советское полпредство принималось 60–70, в «плохие» годы (1938 г.) – 30–40 приглашений. Теперь вместе с премьером пришли 13 министров, т.е. более половины состава кабинета. «Такого «пассажа» ещё ни разу не было», – констатировал Майский.

В телеграмме в Москву Майский объяснял мотивы посещения Чемберленом советского полпредства 1 марта «желанием напугать Германию накануне англо-германских переговоров, а также опасениями «Нового Рапалло» в связи со слухами о советско-германских переговорах»⁴². Сам Чемберлен в беседе с полпредом утверждал, что «несмотря ни на что, он остаётся «оптимистом». Общее положение улучшается... у него определённое впечатление, что Гитлер и Муссолини боятся войны»⁴³. Близорукая позиция британского премьера будет развеяна буквально через две недели.

В марте 1939 г. состоялся визит в Москву британского министра заморской торговли Хадсона. В беседе с Майским накануне отъезда в Москву Хадсон говорил: «Мы твёрдо решили сохранить свою Империю и свои позиции великой мировой державы». Основная его задача «состоит в том, чтобы путём контакта с руководящими персонажами СССР выяснить настроения Москвы под указанным углом зрения»⁴⁴. Никакого положительного результата визит Хадсона не дал. Об этом Литвинов и сообщил Майскому.

15 марта 1939 г. Гитлер, растоптав мюнхенские соглашения, захватил Прагу и ликвидировал Чехословацкую республику. Так было положено начало новому международному кризису, завершившемуся мировой вой-

ной. Это был шок для «умиротворителей». 17 марта, выступая в Бирмингеме, Чемберлен резко осудил эту акцию Гитлера. Ванситарт, принимая Майского в Форин офис, говорил: «Аннексия ЧС произвела потрясающее впечатление в Англии, политика «умиротворения» мертва и больше не воскреснет». В ответ на скептические замечания Майского «Ванситарт вновь и с ещё большим волнением стал доказывать, что мои опасения неосновательны. Захват Праги – не то что захват Австрии. Англия ныне действительно прозрела... Пришла эра создания великого антигерманского блока». Для отпора агрессорам «основной предпосылкой является создание «оси» Лондон–Париж–Москва»⁴⁵.

Затем начались тройственные переговоры, вначале по дипломатическим каналам, затем непосредственно в Москве. В этих переговорах Майский непосредственного участия не принимал. Но он отслеживал и комментировал в своих записях основные этапы переговоров, проекты, которые обсуждались сторонами. Он встречался с видными британскими политиками, как сторонниками сближения с СССР (Ллойд Джордж, Иден, Эттли, Ванситарт), так и противниками (Чемберлен, Галифакс и др.).

18 апреля Майского вызвали в Москву на совещание у Сталина. Поводом для этого совещания послужило донесение полпреда в Берлине А. Мерекалова о его беседе со статс-секретарём МИД Германии, на котором германский дипломат заявил о намерении Гитлера улучшить отношения с СССР. Совещание в кабинете Сталина состоялось 21 апреля, в нём участвовали члены Политбюро Молотов, Ворошилов, Микоян, Каганович и дипломаты Литвинов, зам. наркома Потёмкин, бывший полпред во Франции, полпред в Берлине Мерекалов, полпред в Лондоне Майский и советник полпредства в Париже Крапивенцев. Сталина, очевидно, особенно интересовала ситуация, связанная с Францией, поскольку он отдельно сначала принял Крапивенцева, и их встреча продолжалась 40 минут.

В ходе совещания имела место стычка Молотова и Литвинова. Последнего обвиняли в односторонней ориентации на Англию и Францию. «Досталось и Майскому, который без разрешения Москвы встретился в Хельсинки с министром иностранных дел Финляндии Е. Эрко. Содержание беседы Майского с Эрко о создании «мирного фронта» проникло в прессу, что вызвало раздражение Сталина»⁴⁶.

На совещании мнение Мерекалова о том, что Германия готовится к войне с СССР, было отвергнуто, и Мерекалов больше в Берлин не вернулся. Майский, несмотря на выговор, вернулся в Лондон. В своём Дневнике он ничего не пишет об этом неприятном эпизоде. Майский даже не упоминает о снятии Литвинова с поста наркома иностранных дел и назначении Молотова на этот пост.

Оставаясь в Лондоне, Майский внимательно отслеживает то, что происходит в Москве на тройственных переговорах. Его записи свидетельствуют о непоследовательности политики британского правительства, нежелании Чемберлена даже в условиях очевидной агрессивности нацистской Германии отказаться от мюнхенского курса.

Майский пишет: «Чемберлен? Странная фигура. До сих пор он искренне верил в Гитлера. Он искренне думал, что Гитлер имеет только одну цель: объединить всех немцев в рамках единого государства. Прага была для Чемберлена величайшей катастрофой – политической и психологической. В премьерере несомненно совершается глубокий поворот, но он ещё не закончен. Отголоски старого ещё дают себя знать... Он окончательно разочаровался в Гитлере, но ещё немножко верит Муссолини». Правда, в последующих записях Майский констатирует, что Чемберлен по-прежнему пытается найти путь для «нового Мюнхена», чтобы уклониться от советско-британского пакта⁴⁷.

Большое внимание в Дневнике уделено антисоветской политике правителей тогдашней Польши, не желавших идти ни на какое соглашение с участием СССР, хотя Гитлер ещё 28 апреля заявил о расторжении германо-польского соглашения 1934 г. и потребовал передачи Германии Данцига и «польского коридора».

Что касается взаимоотношений СССР и Англии, то Майский продолжает оставаться оптимистом. 5 августа он записывал: «Медленно, но неудержимо – с зигзагами, рецидивами, провалами – англо-советские отношения улучшаются... Пропасть между Лондоном и Москвой всё больше суживается». Иное дело с Германией: «...пропасть между Лондоном и Берлином становится всё шире... Потому что объективный фактор – основные интересы двух стран – оказываются противоположными. И эти фундаментальные противоречия перекрывают с лихвой влияние субъективного фактора»⁴⁸.

Москва не информировала Майского о ходе германо-советских переговоров, поэтому известие о прибытии Риббентропа в Москву и подписание советско-германского договора о ненападении явились для полпреда полной неожиданностью. В Дневнике он фиксирует реакцию в Англии на советско-германский договор. «В городе смятение и негодование. Особенно неистовствуют лейбористы. Они обвиняют нас в измене принципам, в отказе от прошлого, в протягивании руки фашизму... консерваторы держатся много спокойнее. Они никогда вперёд не верили ни в Лигу Наций, ни в коллективную безопасность»⁴⁹ (опубликовано в ДВП. Т. XXII, кн. 1. № 495).

По приглашению Ллойда Джорджа Майский посетил его дома: «Старик встревожен, но нас вполне понимает. Он мне прямо сказал: «Я этого

давно ожидал. Я ещё удивляюсь вашему терпению. Как вы могли так долго разговаривать с этим правительством... Пока Чемберлен стоит во главе, никакого «мирного фронта» не будет»⁵⁰.

26 августа полпред записывает: «Шок, вызванный советско-германским пактом о ненападении, начинает понемножку проходить. Консерваторы ведут себя очень сдержанно, и Чемберлен перед заседанием парламента просил Гринвуда быть осмотрительным и не слишком атаковать СССР в связи с пактом» (опубликовано в ДВП. Т. XXII, кн. 1. № 502). В Лондоне «день тревоги и ожиданий», а в Москве «видимо, господствуют иные настроения: войны не ждут, рассчитывают на новый Мюнхен»⁵¹.

Но Майский ошибался: в Москве хорошо знали о намерениях Гитлера, который 1 сентября 1939 г. напал на Польшу. Началась Вторая мировая война.

Под впечатлением от этого события Майский записывал в Дневнике: «Мир перешагнул сегодня через порог новой эпохи. И он выйдет из этой эпохи совсем иным, чем в неё вступил. Близится время великих перестроек в жизни человечества. Думается, что я до них доживу, если, конечно, меня раньше не подрежет какой-либо шальной случай»⁵².

Любопытную картину представляло заседание палаты общин 1 сентября 1939 г.: «В кулуарах парламента царили нервозность и тревога. У входа в дипломатическую галерею образовалась настоящая пробка из послов, посланников, высоких комиссаров доминионов... Атмосфера сгущённая, грозовая, давящая. Галереи лордов, прессы, гостей набиты до отказа... Взоры со всех сторон упираются в меня. Настроение всё то же: сдержанно-враждебное, но с оттенком почтительности... Леди Астор по обычаю сидит как на иголках и смотрит на меня так, как будто бы собирается вцепиться мне в волосы. Зато Д. Мандер, Г. Никольсон, Элен Уилкинсон дружески поплёскивают мне глазами. Мне показалось, что Иден тоже бросил на меня быстрый и отнюдь не враждебный взгляд»⁵³.

Последующие месяцы до нападения Германии на СССР будут нелёгкими в деятельности Майского как полпреда. Дело в том, что в это время послом Великобритании назначен видный политический деятель С. Криппс, и центр тяжести в советско-британских отношениях как бы несколько смещается в британское посольство в Москве. Криппс хотя и нечасто, будет встречаться со Сталиным и Молотовым. Все важные вопросы будут решаться в Москве, и полпредство в Лондоне окажется на периферии внимания НКВД. Кроме того, Майскому придётся объяснять и оправдывать перед британским общественным мнением некоторые непопулярные акции СССР, о которых он не был заранее информирован НКВД, как то: ввод советских войск в Польшу 17 сентября, подписание 28 сентября со-

ветско-германского договора «О дружбе и границе» и особенно советско-финская война (ноябрь 1939 – март 1940 г.).

Действия СССР, связанные в Польшей, были встречены в правительственных кругах Англии достаточно спокойно, поскольку это делало, по мнению ряда государственных деятелей, неизбежным столкновение СССР и Германии, и «линия Керзона», ставшая западной границей СССР, была британским «изобретением». 19 октября 1939 г. Батлер говорил Майскому, что правительство Англии «не мыслит себе будущее восстановление Польши в её старых границах. Никто в Англии не помышляет о возвращении Польше Западной Украины и Западной Белоруссии»⁵⁴.

Иное дело война СССР с Финляндией. 28 ноября 1939 г. – разрыв дипломатических отношений между двумя странами. 1 декабря Майский записывает в Дневнике: «Реакция в Англии бешеная»⁵⁵. 14 декабря 1939 г. СССР исключают из Лиги Наций как агрессора. Общественное мнение в Англии и в скандинавских странах против СССР. Положение действительно было очень серьёзное. Бивербрук говорил советскому полпреду: «Если Швеция и Норвегия пойдут на открытую интервенцию, Англия и Франция окажут им максимальную поддержку»⁵⁶.

Майский тогда не знал, как в период «странной войны» в Англии и Франции разрабатывались планы удара по СССР как на севере, так и на юге, в районе Баку. Об этом станет известно много позднее. Но комментируя поступавшую к нему информацию, он констатирует: «Вообще положение должно быть признано опасным. Оно чревато всякими неожиданностями. Можно легко быть втянутыми в большую войну»⁵⁷.

Однако 3 марта было подписано перемирие и военные действия были прекращены. Майский присутствует на заседании палаты общин. «Я, кажется, ещё никогда не видел её в состоянии такого возбуждения и бешенства... Это бешенство находило своё выражение в реакции палаты на различные антисоветские выпады со стороны министров или депутатов»⁵⁸.

16 марта Ллойд Джордж говорил Майскому: «Опасность войны между Англией и СССР была очень реальна... Чемберлен не стремился к войне с вами. Скорее наоборот. Но беда в том, что Чемберлен никогда ничего не решает. Он всегда плывёт по течению»⁵⁹.

Последующие записи за 1940 – первую половину 1941 г. в основном заполнены описанием ситуации в стране и за её пределами в связи с усиливавшейся войной в Европе. Имеются пространные записи бесед с государственными и общественными деятелями (Ллойд Джордж, Черчилль, супруги Вебб и др.), мало о непосредственно англо-советских отношениях. Очевидно, Москва продолжала держать полпреда в Лондоне на «голом пайке».

Правда, почему-то ни в Дневнике, ни в мемуарах не получила отражение важная акция советского правительства в феврале 1940 г. 11 февраля после долгих и трудных переговоров был подписан Хозяйственный договор между Германией и СССР, вызвавший большой международный резонанс. 21 февраля Молотов направил послание Майскому для передачи британскому правительству. В этом документе говорилось: «Первое. Мы считаем смешным и оскорбительным для нас не только утверждение, но даже просто предположение, что СССР будто бы вступил в военный союз с Германией. Второе. Хозяйственный договор с Германией есть лишь договор о товарообороте, по которому вывоз из СССР в Германию достигает всего 500 млн. марок, причём договор этот экономически выгоден СССР, так как СССР получает из Германии большое количество станков и оборудования, равно как изрядное количество вооружения, в продаже чего нам неизменно отказывали как в Англии, так и во Франции. Третье. Как был СССР нейтральным, так он и остаётся нейтральным»⁶⁰. Какова была реакция британского правительства, остаётся не ясно.

Давая в своём Дневнике подробные «зарисовки» политического и военного быта Англии, Майский широко и с удовольствием использует художественные детали, придающие особую выразительность и яркость описываемым событиям. Прекрасный литературный язык придаёт некоторым страницам Дневника характер высокой прозы.

«Едем на машине поздним вечером. Картина была изумительной. Над гигантским городом глубокая тьма. Нет фонарей на улицах (сняты!). Нет огней в домах. Нет сверкающих витрин ресторанов и кафе. Нет горящих огнями объявлений и рекламы. Всё погасло, как будто бы по мановению волшебного жезла. Только звёзды сияют на небе да слепо мигают регуляторы «трафика». Впрочем, и они на ущербе: это не привычные яркие красно-жёлто-зелёные огни, а узенькие, бледные крестики, меланхолично повисшие на тёмных одеждах ночи. Мрачные, потемневшие, безжизненные здания кажутся какими-то грозными утёсами. Улица между ними – точно чёрное, узкое ущелье. В сгущённом мраке медленно движутся, как призрачные тени, машины. Точно какие-то волшебные птицы с красным глазом позади. Тихо. Мрачно. Настороженно. Фантастично. Настоящая сцена из Дантова ада... Так Лондон ждёт, притаившись, налётов германских бомбовозов»⁶¹.

Тем временем заканчивается «странная война», немцы захватили Данию, Норвегию. Затем началось вторжение в Голландию, Бельгию, Францию. Из Дюнкерка англичане смогли вывезти около 200 тыс. своих солдат. Франция капитулирует. 19 июля 1940 г. Гитлер, выступая в рейхстаге, предлагает британскому правительству заключить мир.

В записях Майского в последние месяцы перед нападением Германии на СССР доминируют две темы. Первая – отношение народа и правительства страны к начавшейся воздушной «битве за Англию» и угрозе немецкого вторжения. Майский свидетельствует: паники в Англии нет, «национальный характер англичан: крепкие нервы, большая выдержка». 15 сентября 1940 г. – самый массированный налёт на Лондон. Майский записывает: «Страна настроена крепко. Налёты на Лондон не поколебали её»⁶².

«Битва за Англию» выиграна. Что дальше? Майский размышляет о перспективах войны: «Избежать поражения... это для Англии может считаться более или менее обеспеченным. Выиграть войну – это совсем другое дело». Блокада Германии, война в Африке – этого не достаточно, чтобы одержать победу. Если выиграть войну «чисто военным путём... окажется почему-либо невозможным, будут поиски компромиссного мира». «Сторонников такой «сделки» в Англии достаточно... Пока идёт погоня за союзниками. На первом месте здесь сейчас США. Но в дальнейшей перспективе правящие круги мечтают также об СССР, несмотря на все наши опровержения, разъяснения и пр.».

Упоминает Майский об откликах в Англии на визит Молотова в Берлин в ноябре 1940 г., который, вероятно, и для самого полпреда был неожиданным. «Визит Молотова в Берлин имел сильное отражение в Англии. Сначала все страшно перепугались. Немцы усиленно раздували значение визита... Но потом все успокоились...».

В Дневнике подчёркивается, что несмотря на военные неудачи Англии в Греции, на Кипре, в Киренаике, положение страны прочно и стабильно... «Мораль широких масс населения сейчас очень тверда... Наиболее опасной считают германскую кампанию против британского тоннажа. Битва за Атлантику привлекает всеобщее внимание».

И как итог всего этого – голосование вотума доверия правительству в парламенте 7 мая 1941 г.: за – 447, против – 3. «Через год после прихода к власти Черчилль – несомненный «хозяин» страны».

«Вот что видно в настоящий момент из моего «лондонского окошка», – резюмирует Майский⁶³.

Вторая тема, которая Майскому кажется надуманной и провокационной, – это утверждение британских политических деятелей о скором нападении нацистской Германии на СССР. В соответствии с официальной позицией он записывает 30 апреля: «...я резко напал на тенденцию пугать нас Германией... Было ясно, что вся кампания британского прави-

тельства и английской печати о предстоящем нападении Германии на СССР не имеет под собой никакой серьёзной базы»⁶⁴. Правда, назначение Сталина 5 мая главой правительства вызывает у Майского тревогу: «Это сигнал. Опасность войны приближается к нашим границам»⁶⁵.

Особенно интенсивным становится давление на советского посла в июне 1941 г. Майский записывает: «Печать ведёт большую кампанию о концентрации германских войск на советской границе и о неизбежности войны между СССР и Германией».

3 июня Иден по поручению премьер-министра сообщает Майскому, что «концентрация германских войск на советской границе усиливается (особенно последние 48 часов)». Иден продолжал: «Цель концентрации не ясна: война или игра на нервах? На случай, если это война, британское правительство считает необходимым довести до сведения СССР, что в случае нападения Германии британское правительство готово было бы помочь своей авиацией на Ближнем Востоке..., отправить в Москву военную миссию, всемерно развивать экономическое сотрудничество».

Затем следует обмен репликами: Майский: «Не верю в нападение Германии на СССР»; Иден: «Раньше тоже не верил, но последние 48 часов заставляют изменить мнение»⁶⁶.

7 июня Черчилль собрал редакторов ведущих лондонских газет и дал «инструкцию раздувать тему о неизбежности войны между СССР и Германией». Такая информация поступила в советское посольство.

18 июня – беседа Майского с находившимся в Лондоне послом Криппсом, который «совершенно убеждён в неизбежности нападения Германии на нас, и притом в самом ближайшем будущем». Реакция Майского по этому поводу: «Я стал возражать...». И наконец самая примечательная встреча с Криппсом, состоявшаяся 21 июня. Криппс говорил: «Признаться, я ждал, что атака произойдёт на «уик-энд» завтра, 22 июня, или 29 июня», поскольку Гитлер любит нападать в воскресенье. Он добавил, что он «принял некоторые подготовительные меры... договорился с правительством о посылке в Москву военной и экономической миссий – немедленно же по открытию военных действий»⁶⁷. Криппс подчеркнул, что в случае начала военных действий он немедленно возвращается в Москву.

Анализируя полученную информацию, Майский, по его словам, «уже пришёл к выводу, что Гитлер на этот раз не блефует, а думает о серьёзном нападении. Однако верить в это всё-таки не хотелось»⁶⁸.

Тем не менее, вечером 21 июня Майский направил в Москву телеграмму: «Я по-прежнему считаю германскую атаку на СССР маловероят-

ной»⁶⁹. Она была получена в Москве, когда уже развернулись ожесточённые бои по всей западной границе СССР. Об этой телеграмме Майский не упоминает ни в Дневнике, ни в своих мемуарах. Нет её и в официальной публикации дипломатических документов. Почему так произошло? Очевидно, в душе Майского верх взял не политик, а чиновник, хорошо знающий, что Сталин ничего не хотел слышать о возможной войне с Германией. Конечно, этот эпизод не украшает Майского как дипломата, обязанного информировать своё правительство абсолютно чётко и беспристрастно.

Согласимся с Л.В. Поздеевой, которая написала: «Не полагаем возможным ни чрезмерно строго судить Майского, ни соглашаться со всеми его выводами. Трудно абстрагироваться от той чрезвычайно трудной обстановки, в какой послу летом 1941 г. приходилось выполнять свою миссию»⁷⁰.

Глава 3. «ЗВЁЗДНЫЙ ЧАС». ЛОНДОН. 22 ИЮНЯ 1941 – 1943 г.

Началась Великая Отечественная война. Для Майского этот период его дипломатической деятельности оказался поистине «звёздным часом», ибо он оказался в центре формирования антигитлеровской коалиции. Он стоял у истоков личной переписки Сталина и Черчилля, сыграл важную роль в налаживании военного сотрудничества Англии и СССР. От имени Советского правительства он подписывал соглашения об установлении дипломатических отношений с правительствами Чехословакии, Польши, Канады, Норвегии, Египта. Им были подписаны документы о присоединении СССР к Атлантической хартии и о признании генерала де Голля «главой Свободных французов».

Но вначале была речь Черчилля, произнесённая им по радио вечером 22 июня. Эта речь не была экспромтом. В подготовке её участвовали Иден, Бивербрук, американский посол Вайнант. Майский также внёс определённый вклад в это коллективное «произведение». Утром 22 июня, выслушав по радио речь Молотова, он встретился с Иденом, который, в свою очередь, информировал премьера о содержании выступления Молотова. Черчилль учёл сделанные Майским замечания, «придав ещё более решительную форму, чем это имело место первоначально» вопросу о продолжении войны до полной победы над Гитлером¹.

В итоге речь Черчилля в связи с нападением Германии на СССР оказалась яркой и боевой, британский премьер обещал оказать России всю возможную помощь. Майский записывал в Дневнике: «...боевая, решительная речь: никаких компромиссов и соглашений! Война до конца! Это как раз то, что сейчас больше всего нужно». Через несколько дней он сообщал в Москву: «Эффект акции Черчилля был огромен как в самой Англии, так и в США»². Посол США в Лондоне Вайнант признавал, что выступление Черчилля сыграло громадную роль в быстром определении США своей позиции. 24 июня последовало заявление президента Рузвельта о том, что США окажут помощь СССР. Соответственно положительно реагировали на выступление Черчилля в Москве. Утром 23 июня перевод речи Черчилля прозвучал по московскому радио.

Англичане осознали, что они теперь не одиноки в борьбе против Германии, у них появился союзник. Уже 27 июля Молотов и Криппс подписали Соглашение о совместных действиях в войне против Германии. Правда, первоначально британская сторона хотела ограничиться подпи-

санием «декларации». Но советская сторона настояла на более обязательном документе.

Первые недели войны Майский оценивает излишне оптимистически, преувеличивает потери немцев на фронте. Но постепенно приходит ощущение огромной опасности, нависшей над страной. Необходимо получение помощи от Англии и США. Майский ведёт переговоры об этом с Черчиллем и Иденом, способствует поездке Г. Гопкинса в Москву в конце июля.

30 августа Майский получил послание Сталина, в котором положение на фронте характеризуется как крайне опасное, необходимо «расшевелить» англичан. Одновременно Сталин одобряет деятельность Майского. «Ваша беседа с Иденом о стратегии полностью отражает настроения советских людей. Я рад, что Вы так хорошо уловили эти настроения»³.

Посол рекомендует Сталину направить личное послание Черчиллю с оценкой ситуации на фронте и необходимой помощи. 4 сентября Майский записывает в Дневнике: «Моё предложение принято». Получено личное послание Сталина Черчиллю: «Твёрдый, ясный, беспощадный язык. Никаких иллюзий, никакой розовой водицы»⁴. Затем последовала беседа посла с Черчиллем, который пообещал оказать некоторую помощь оружием, но заявил: «В течение ближайших 6–7 недель вам может помочь только Бог, в которого вы не верите»⁵. 5 сентября отчёт о встрече с Черчиллем был направлен Сталину.

С этого времени переписка Сталина и Черчилля ведётся через Майского, который переводит текст посланий Сталина на английский язык, вручает его премьеру и наблюдает за непосредственной реакцией Черчилля на эти послания. У эмоционального премьера эта реакция была различной в зависимости от содержания и тона послания Сталина. Так, 11 ноября 1941 г. Майский вручил Черчиллю послание с упреками о недостаточности оказываемой помощи. «Премьера нельзя было узнать. Он был бледен как мел и тяжело дышал. Видно было, что он взбешён»⁶.

Октябрь 1941 г. – немцы под Москвой. Майский записывает в Дневнике: «...сильный рост тревоги во всех слоях населения – от Черчилля до последнего рабочего... Самым плохим днём был четверг 9 ноября. Газеты вышли с паническими аншлагами. Весь советский фронт, казалось, повалился, как карточный домик. Волна пессимизма высоко вспрыгнула в общественных кругах»⁷. Но есть и другая тенденция – «это колоссальный рост симпатий и сочувствия к СССР, особенно (но не исключительно) в низах». Член палаты общин Дж. Веджвуд писал Майскому: «Вы лично стали невероятно популярны в Англии. Ваши речи вдохновляют всех нас почти так же как речи самого Уинстона»⁸.

В эти первые месяцы войны у Майского складываются весьма доверительные отношения с Черчиллем, Иденом, Бивербруком, Криппсом. Уже в ноябре Бивербрук говорил советскому послу: «Я доверю вам и делюсь с вами своими мыслями и чувствами. Но никто об этом не должен знать»⁹. В дальнейшем всё это обеспечит Майскому уникальное положение в дипломатическом мире Лондона.

В декабре 1941 г. под Москвой одержана первая большая победа. Советское руководство приглашает Идена в Москву для переговоров о расширении сотрудничества в военное и послевоенное время. Майскому предложено сопровождать британского министра.

16 декабря 1941 г. Иден прибыл в Москву, где начались трудные переговоры. Майский участвовал во всех четырёх встречах Сталина с Иденом. Этот сюжет полностью обойдён в Дневнике, лишь потом в мемуарах Майский отчасти расскажет об этом визите Идена и его беседах с советским лидером.

Сталин в ходе переговоров хотел получить согласие британского правительства на предвоенную западную границу СССР, кроме того, речь шла о геополитических изменениях в Европе после войны. Идену был представлен проект «Дополнительного протокола» к советско-британскому договору, в котором говорилось о послевоенной Европе (изменениях границ ряда стран, разделе Германии, репарациях). По мнению Идена, всё это выходило за рамки положений Атлантической хартии, требовало обсуждения с США, которые стали непосредственными участниками войны (7 декабря Япония напала на США, а 11 декабря Германия и Италия объявили Америке войну).

Дневник Майского за 1942 год характеризуется сокращением количества записей, фрагментарностью, конспективным стилем изложения. В первые месяцы 1942 года Майский пишет об обострении внутривосточной ситуации, пошатнувшемся положении правительства в связи с падением Сингапура, успехами Роммеля в Северной Африке, прорывом немецких линкоров в Северную Атлантику. 17 февраля на заседании палаты общин: «Черчилль выглядел плохо, был раздражён, обидчив, упрям... Встреча и проводы Черчилля были плохи»¹⁰.

В конце февраля проходит реорганизация правительства. Майский жалеет об уходе Бивербрука, но приветствует вхождение в состав правительства Криппса. 18 февраля он записывает: «Лично я за Черчилля как премьера. Надёжен: против Гитлера. Волевой: сам правит. Ни Криппс, ни Иден недостаточно сильны»¹¹.

Важный факт отмечает Майский в своих записях в марте 1942 г. Дело в том, что британское правительство после споров и дискуссий большин-

ством голосов членов кабинета приняло решение признать границы СССР 1941 г., на чём настаивал Сталин на переговорах с Иденом в Москве. 16 марта состоялась встреча советского посла с Черчиллем и Иденом. Черчилль говорил: «У меня с самого начала душа не лежала к признанию сейчас границы 1941 г., но так как Сталин на этом очень настаивал, я в конце концов согласился границу признать»¹². К этому Иден добавил, что американцы относятся отрицательно к признанию советской западной границы.

В мае 1942 г. в Лондон прибыл Молотов и начались переговоры, завершившиеся подписанием Договора двух стран о дружбе и сотрудничестве в военное и послевоенное время. Однако английская сторона отказалась от признания советской довоенной границы. Как известно, по указанию Сталина Молотов не стал настаивать на этом требовании и подписал текст, предложенный британским правительством. К сожалению, в Дневнике нет ни слова ни о визите Молотова, ни о ходе переговоров.

Летом 1942 г. резко ухудшается военная обстановка на Восточном фронте. Немцы рвутся к Волге и Северному Кавказу. В июле был разгромлен конвой PQ-17. Из 34 судов было потеряно 23. На дно ушли 430 танков, 250 самолётов и другая военная техника. Черчилль заявил о временном прекращении северных конвоев. Наступил самый напряжённый период в отношениях СССР с Англией и США.

После получения очередного жёсткого по тону послания Сталина, обвинявшего англичан в невыполнении своих обещаний, Черчилль было решил прекратить переписку с советским лидером. Майскому удалось в конечном счёте убедить Сталина, что Черчилль не заинтересован в поражении СССР и что на сговор с Германией он не пойдёт. Это предотвратило дальнейшее обострение отношений между двумя главами правительств.

В Дневнике Майского отсутствуют записи на период с 1 августа по 31 декабря. Публикаторы Дневника выражают осторожное мнение, что возможно эта часть Дневника просто утеряна. Так или иначе, но мы не имеем непосредственных записей Майского о ряде важных событий того времени и прежде всего о визите Черчилля в Москву в августе 1942 г.

Отчасти этот сюжет Майский освещает в своих мемуарах, опубликованных много лет спустя. Он пишет, что Черчилль надеялся, что посол будет его сопровождать. «Мне самому этого очень хотелось: так интересно было бы участвовать в столь знаменательном историческом событии, однако Москва предложила мне оставаться в Лондоне»¹³. Оставаясь в Лондоне, Майский намеревался хотя бы в какой-то заочной форме поучаствовать в переговорах в Москве. 7 августа он пишет Сталину, что поездка Черчилля обусловлена как внутривосточными причинами («чтобы укрепить положение прави-

тельства, успокоить массы»), так и внешнеполитическими (убедить Сталина, «что второй фронт в Европе в 1942 г. невозможен и нежелателен»). По его мнению, «наша позиция: а) единая стратегия союзников, б) второй фронт и др., особенно усиление снабжения СССР». Майский подчёркивал: «Было бы исключительно важно превратить визит Черчилля в Москву в исходную точку создания единой союзной стратегии»¹⁴.

Но Молотов отверг инициативу Майского и сделал ему соответствующее внушение. Нарком писал: «Предполагаемая Вами идея создания единой стратегии не обсуждалась. Мне кажется, вообще в данный период, когда воюем только мы, эта идея нам неприемлема. Вам не следует выдвигать эту идею перед англичанами. Такого рода указаний Вы от нас не получали и не могли получить»¹⁵.

Вместе с Черчиллем в Москву ехали советник посольства Новиков и генерал Исаев. 8 августа в Каире Черчилль беседовал с Новиковым и жаловался, что американцы не выполняют своих обязательств по присылке войск в Англию. Из Каира Новиков дал телеграмму в Москву: «Черчилль едет к нам с пустыми руками»¹⁶. Поэтому для Сталина не было неожиданностью заявление британского премьера о невозможности открытия второго фронта в Европе в текущем году.

Тем не менее, советская сторона выразила удовлетворение от итогов первой личной встречи Сталина и Черчилля. Молотов сообщал Майскому: «Хотя мы не добились от Черчилля удовлетворения по главному вопросу, всё же можно считать результаты удовлетворительными»¹⁷. Черчилль также считал свою поездку в Москву успешной.

Майский не знал, что в ходе последней встречи Сталина и Черчилля между ними произошёл обмен репликами по его адресу. Прощаясь, Черчилль заметил, что Майский – хороший посол. Согласившись с этим, Сталин добавил, что посол мог быть и лучше, он много говорит и не может держать язык за зубами. Любопытно, что эта фраза Сталина зафиксирована английским переводчиком Бирсом, в русском варианте записи встречи двух лидеров, сделанном переводчиком В. Павловым («по памяти»), этой фразы нет¹⁸. Не ясно, что могло явиться поводом для этого раздражённого высказывания. Во всяком случае, в этот период деятельность Майского как посла не вызывала каких-либо особых критических замечаний Москвы. Более того, в сентябре 1942 г. Майский будет награждён орденом Ленина за десятилетнюю работу послом в Лондоне. В октябре 1942 г. он удостоился похвалы Сталина, который написал Майскому в связи с его предложениями касательно политики СССР: «Ваши соображения получил. Я нашёл в них много интересного и поучительного. Ряд Ваших предложений совпадают с нашими мероприятиями»¹⁹.

В годы войны Майский часто выступал в различных аудиториях Лондона, отстаивая идею открытия второго фронта и увеличения помощи СССР поставками военных материалов. 30 июля 1942 г. он выступил перед депутатами британского парламента с речью, имевшей общественный резонанс. Частые официальные и неофициальные встречи с государственными деятелями Англии делают Майского «своим» в политических кругах Лондона. Британский историк Д. Дилкс пишет: «В Москве Криппса держали на коротком поводке. Он с трудом мог встретиться с Молотовым, не говоря уж о Сталине. Майский же вёл себя в Лондоне так, как едва ли позволили бы какому-либо другому дипломату»²⁰.

Меняется «тональность» разговоров Майского с британскими руководителями. 23 июля 1942 г. он записывает в Дневнике о разговоре с Черчиллем по поводу очередного послания Сталина, обидевшего британского премьера: «Бросьте думать о глупостях, – резко прервал я Черчилля»²¹. Такого тона в разговоре Криппса или его преемника Керра со Сталиным и представить невозможно.

11 января 1943 г. – встреча с Иденом. Майский выражает недовольство ослаблением бомбардировок Берлина. Иден оправдывается. Майский: «Мне нужны дела, а не слова». Иден: «Я приложу все усилия к тому, чтобы исполнить желания Сталина и Ваше». По поводу северных конвоев: «Я пожал плечами и сказал, что не могу признать объяснения Идена удовлетворительными»²².

1 февраля 1943 г.: «Иден пригласил меня к себе. Дал прочитать целую кучу шифровок от премьера и к премьеру в связи с его поездкой в Турцию»²³.

В конце марта 1943 г. Иден отправляется в США. Накануне отлёта состоялась его беседа с Майским, запись о которой имеется в его Дневнике. Иден говорил: «Я хочу иметь общее представление о том, что думают американцы по ряду интересующих нас проблем. Такова цель моего визита в США». Майский записывает: «Я одобрил линию Идена». Далее Майский менторским тоном высказывает своё мнение: «Сохранение и поддержание мира в послевоенной Европе мыслимо лишь в порядке общеевропейской организации (политической и военной) во главе с СССР и Англией. Ничто другое мира не может спасти». Иден смиренно отвечает: «Я очень благодарен Вам за эту беседу. Она мне сильно поможет при переговорах в Америке и вообще»²⁴.

Иден улетел в США. Майский с сожалением записывает в Дневнике: «Придётся обходиться без него. Это несколько неприятно: у меня с ним установлены хорошие отношения, и он мне много рассказывает. Мы также привыкли понимать друг друга с полуслова»²⁵.

Оказывается, рассуждения Майского имели определённые последствия. Иден сообщал о разговоре с президентом Рузвельтом: «Я изложил ему кое-что из того, что говорил мне Майский перед моим отъездом из Лондона, и он заметил, что дипломатические контакты его правительства с Россией, к несчастью, несравнимы с нашими. Литвинов занимает дома слишком слабую позицию, чтобы представлять какую-либо реальную ценность»²⁶.

В Москве также заинтересовались беседами Майского с Иденом до его отъезда в Америку и после возвращения. Послу пришлось написать подробное донесение об этом.

После победы под Сталинградом по-новому начинает звучать тема второго фронта. Хотя до его открытия оставалось ещё много месяцев, британское правительство, по мнению Майского, «ищет путей и методов для того, чтобы, с одной стороны, по возможности продолжать вести войну чужими (т.е. нашими) руками, а с другой стороны, обеспечить себе руководящую роль на мирной конференции и в послевоенный период». Поэтому второй фронт следует открыть «не слишком рано и не слишком поздно – вовремя»²⁷.

В дневниковых записях Майского за первую половину 1943 г. появляются две новые темы. Первая связана с разрывом отношений СССР с польским эмигрантским правительством. Лондон пытался помешать этому, поддерживая правительство Сикорского-Миколайчика. Вторая тема – размышления Майского о послевоенной Европе и о будущем Германии. Им была подготовлена специальная записка на имя Молотова «О желательных основах будущего мира»²⁸.

Но 28 июня 1943 г. Майский сообщил Идену о своём отзыве. Это решение Москвы явилось полной неожиданностью как для самого Майского, так и для британского правительства. Ещё в ноябре 1942 г. посол Керр говорил Молотову, что Майский завоевал в Лондоне положение, каким не пользовался никогда ни один посол никакой другой державы». «Майский в прекрасных отношениях с 45 млн. населения Англии». На что Молотов сухо ответил, что ему известно, что «Майский имеет прекрасные отношения с Черчиллем, Иденом и другими членами английского правительства»²⁹.

Сам Майский в своих мемуарах объясняет это решение как выражение недовольства советской стороной политикой Англии по затягиванию открытия второго фронта. Правда, в письме Молотову в июле 1943 г. он формулирует это более осторожно: недовольство политикой британского правительства не должно выглядеть как недовольство своим послом в

Лондоне, «если, конечно, такого недовольства в действительности не существует». Но такое «недовольство» имело место. Сталин говорил Ф. Гусеву, будущему послу в Англии: «Нам нужно отозвать посла Майского, который слишком оправдывает действия англичан, саботирующих открытие второго фронта в Европе»³⁰.

В Лондоне отзыв советского посла в разгар войны был воспринят плохо. «Мне это не нравится», – записывал А. Кадоган в своём дневнике³¹. Переводчик В. Павлов вспоминал: когда Молотов сообщил британскому послу Керру об отзыве Майского, тот был «буквально ошеломлен этим. Он начал превозносить Майского и чуть-чуть не сказал, что это может серьёзно отразиться на советско-английских отношениях»³². Действительно, Керр говорил: «Положение Майского в Лондоне во всех отношениях является уникальным... Перевод Майского из Лондона будет серьёзной потерей не только для Советского Союза, но и для англичан»³³.

14 сентября 1943 г., получив дарственный портрет от короля Георга VI, Майский навсегда покидает Англию. Завершился очередной этап его дипломатической карьеры. Он оказался самым плодотворным, ибо при участии посла удалось достичь значительного прогресса в англо-советских отношениях. Как отмечают авторы «Очерков истории МИД России», это стало возможным потому, что Майский и его британский коллега Криппс «были личностями идеологически незашоренными, инициативными и энергичными»³⁴.

Путешествие домой продолжалось сорок дней. В одном из писем он отмечал: «Англичане организовали моё путешествие через их территории или сферы влияния очень хорошо»³⁵.

Начинается новый этап в жизни и работе опытного советского дипломата.

Глава IV. НА ГЕРМАНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ. 1943–1946 гг.

В дипломатической карьере Майского заключительным этапом явилась работа в центральном аппарате НКВД в качестве заместителя наркома, которому была поручена разработка репарационной программы СССР.

28 июля 1943 г. Майский был назначен заместителем наркома. Принимая его, Молотов говорил: «Вам будет поручена проблема репараций. Вы станете во главе специальной комиссии по этому вопросу, которая будет утверждена, и вместе с комиссией подготовите программу репарационных требований, которые СССР выдвинет на мирной конференции»¹.

Осенью 1943 г., когда произошёл коренной перелом в войне, правительство СССР начало подготовку к мирной конференции. При НКВД были созданы Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства (председатель М.М. Литвинов), Комиссия по вопросам перемирия (председатель К.Е. Ворошилов) и Комиссия по возмещению ущерба, нанесённого Советскому Союзу гитлеровской Германией и её союзниками (председатель И.М. Майский). Среди этих комиссий, как отмечают исследователи, главное место заняла Комиссия Ворошилова, что было обусловлено не только местом в партийно-правительственной иерархии её председателя или тем, что многие её решения утверждались лично Сталиным, но и тем, что её рекомендации носили реалистический характер, что в своей работе она исходила, как пишут авторы «Очерков истории Министерства иностранных дел России», из принципов «сохранения единства германского государства и сохранения союзнического единства». Деятельность же комиссий Литвинова и Майского в значительной степени характеризовалась, как утверждают те же авторы, «академическим характером» и «оторванностью от текущей дипломатической практики»².

В Комиссии Майского были представлены АН СССР (Е.С. Варга), Госплан (В.В. Кузнецов, М.З. Сабуров, И.М. Силуянов), НКВД (Е.И. Бабарин, Г.И. Аркадьев). Однако отсутствие протоколов заседаний Комиссии не даёт возможность оценить вклад каждого её члена в работу. Все многочисленные записки и справки идут за подписью одного Майского.

Прибыв из Лондона, Майский энергично принялся за порученное дело. 24 ноября 1943 г. состоялось первое заседание Комиссии, а 28 ноября Майский доложил Молотову о начале работы.

Необходимо отметить, что начинала свою работу Комиссия Майского не на пустом месте. Уже имелись некоторые наработки по ремонтным проблемам и в Москве, и в союзных государствах. В октябре 1943 г. в Москве состоялось совещание министров иностранных дел СССР, США и Англии. К этому совещанию НКВД подготовил проект предложений по проблеме репараций (не поставленный на обсуждение). В этом документе говорилось: «...от Германии необходимо потребовать репарации и реституции или возмещение причинённого ущерба, в частности, путём вывоза из Германии фабрично-заводского оборудования, передачи пострадавшим странам части германского флота, а также предоставление Германией рабочей силы для восстановления разрушенных сёл и городов»³.

Ещё до начала работы Комиссии Майского Литвинов, оставаясь в должности посла в Вашингтоне, докладывал Молотову, что в США и Англии пришли к выводу, что денежные репарации не имеют смысла, необходимы реституции и компенсации промышленным оборудованием и машинами. При этом Литвинов рекомендовал наркомку, чтобы СССР не афишировал выдвижения слишком жёстких требований к Германии, предоставив инициативу правительствам США и Англии. «Это нужно для того, чтобы нам не приписывались инициативы тех крайних мероприятий, к которым придётся прибегать в обращении с Германией». Несколько позднее Литвинов подчёркивал: «Нельзя прямо ставить вопрос о лишении Германии промышленности. Это должно делаться под прикрытием разоружения и репараций. Результат будет тот же: аграризация Германии»⁴.

С этими материалами Майский был ознакомлен, но у него уже сложилась собственная концепция решения ремонтного вопроса. В январе 1944 г. он писал Молотову, что ещё в Лондоне он много думал о будущем мира и будущем Германии. Действительно в его Дневнике имеется запись от 5 января 1943 г. касательно будущего Германии: «Раздробление Германии на ряд более или менее независимых государств..., экономическая децентрализация, т.е. индустриальное разоружение Германии..., репарации. Мы должны требовать ещё одной формы репараций – германского труда... Пусть немцы восстановят нам сделанные ими разрушения, немецкий труд должен быть организован по военному, немцы должны жить в концлагерях и не получать совсем или получать в ничтожном размере зарплату»⁵.

В последующем Майский практически не изменил своего репрессивного подхода в решении ремонтного вопроса. Так, в Записке Молотову от 3 марта 1944 г. подчёркивалось: «Взять с Германии и её союзников всё, что может быть взято, за вычетом «голодного минимума». Дела-

ется упор на использовании принудительного труда. «Труд должен мыслиться как принудительная повинность. Германия и её сателлиты должны давать СССР определённое количество рабочих единиц, которые в форме чего-то вроде трудовой армии под командованием НКВД будут выполнять предписанные им задания»⁶.

Трудно представить реальность реализации подобного проекта, но Майский ещё не раз будет выдвигать подобные идеи насильственного труда миллионов немцев, предлагая создание некоего «нового ГУЛАГа». Авторы «Очерков истории Министерства иностранных дел России» отмечают, что руководство НКВД, как правило, критически относилось к «чрезмерному карательному уклону» в позиции Майского, особенно из-за сильного акцента на использовании насильственного труда как формы репараций⁷.

Разработка репарационной программы в Комиссии Майского прошла несколько этапов. Первый охватывает период с конца 1943 г. до Крымской конференции глав трёх великих держав в феврале 1945 г. На протяжении всего этого периода Комиссия работала по трём основным направлениям: 1) определение суммы репараций, 2) составление программы репарационных требований, 3) методы реализации этой программы⁸.

На имя Молотова направлялись многочисленные записки, содержавшие большой цифровой материал, носивший в значительной степени абстрактно-умозрительный характер и оказавшийся невостребованным в практической работе. Составители сборника «СССР и германский вопрос. 1941–1949» отмечают важный факт: «В АВПРФ нет подтверждения того, что документы по вопросу о репарациях утверждались руководством СССР»⁹.

Первой в ряду этих записок была 27-страничная Записка от 11 января 1944 г. «О желательных основах будущего мира», представлявшая размышления Майского об устройстве мира и Европы. Публикация этого документа в 1995 г. дала основание отечественным и зарубежным авторам сделать вывод, что Майский выступает здесь «большим сталинистом», чем Сталин.

Действительно, автор представляет обширные геополитические рассуждения относительно расширения территории СССР по всему периметру его от границы от Норвегии до Китая. Не вдаваясь в обсуждение всего этого, следует лишь отметить ошибочный вывод, который делает Майский относительно возможности сближения СССР и Англии в послевоенные годы. Преувеличивая степень англо-американских противоречий, он пишет, что «логика вещей должна будет всё больше толкать Ан-

глию в сторону СССР», что СССР «будет заинтересован в сохранении Англии как могущественной державы..., ибо такая Англия может нам понадобиться для балансирования перед лицом империалистической экспансии США». Странный вывод для человека, около десяти лет проработавшего в Лондоне и не «заметившего» формирования «особых отношений» двух англо-саксонских держав. До речи Черчилля в Фултоне оставалось всего два года.

Что касается проблемы германских репараций, относившейся непосредственно к компетенции Майского, то здесь лаконично фиксировалась жёсткая позиция. «Германия после войны должна быть оккупирована союзниками на срок не менее десяти лет, раздроблена на несколько более или менее независимых государств и подвергнута тройному разоружению – военному, индустриальному и идеологическому. На Германию должны быть наложены тяжёлые репарационные платежи (в том числе трудом), а преступники войны подвергнуты суровому наказанию»¹⁰.

Хотя копии этой Записки были разосланы Сталину, Ворошилову, Микояну, Берии, Литвинову, Деканозову, работавший в архивах А.М. Филитов констатировал: «...мне не удалось найти каких-либо следов реакции высшего руководства на Записку Майского от 11 января 1944 г.»¹¹.

Карательный подход к судьбам немецкого народа, отражённый в предложениях Майского, был совершенно неперспективен в послевоенном планировании внешней политики СССР. Он никак не встраивался в общий курс политики стран антифашистской коалиции, направленной на восстановление демократии в Европе, превращение Германии в миролюбивое государство.

Но Комиссия Майского продолжала разрабатывать всё более детальные планы экономического разоружения Германии. 28 июля 1944 г. на имя Молотова был представлен документ «Основные линии репарационной программы СССР» («Записка № 1»). Здесь, по словам Майского, формулировались «принципиальные и методологические основы», на которых Комиссия строила свою работу. На страницах Записки приводится большой статистический материал об экономическом потенциале Германии, её экономических возможностях, взятый из статистических сборников или рассчитанный экспертами. Указывались основные формы репараций: изъятия промышленного оборудования, товарные поставки, принудительный труд. Доказывалось, что тяжёлая промышленность Германии после войны должна быть сохранена в объёме 25% довоенного уровня. «Невоенные» группы промышленности сокращались до 80% довоенного уровня. «Прожиточный минимум» для немцев должен был со-

ставлять 50% довоенного уровня. Предполагалось изъятие из сельского хозяйства Германии 1,2 млн. лошадей, 4 млн. голов крупного рогатого скота, 4 млн. свиней¹².

Затем последовала «Записка № 2» от 29 августа 1944 г. объёмом 62 стр., ещё более детализирующая экономические аспекты требований к Германии.

В октябре 1944 г. состоялся визит Черчилля в Москву. Вопрос о репарациях в ходе переговоров Сталина и Черчилля специально не обсуждался. Но информируя посла в Лондоне Гусева об итогах переговоров, Вышинский сообщал, что Черчилль и Иден «считают вполне законными наши требования к Германии в отношении репараций»¹³.

11 декабря 1944 г. Молотов вызвал Майского и попросил назвать конкретную цифру репараций. Так появилась 15 декабря Записка «Какую цифру репарационных требований следует выдвигать Советскому Союзу?» («Записка № 3»). В этом документе Майский утверждал, что национальное богатство Германии к концу 1944 г. составляет 90 млрд. долларов против 125 млрд. долларов перед войной. Поэтому СССР вправе требовать 10 млрд. долларов, а лучше 12 млрд. для «уступки» западным странам. «Репарационное использование германского труда сюда, конечно, не включается»¹⁴. Но у Сталина, мыслящего более рационально, было другое мнение: сумма репараций должна составлять 5 млрд. долларов. Информацию эту сообщили Майскому, и он 19 декабря направил письмо вождю. В этом письме отмечалось: «Названная Вами цифра 5 млрд. долларов представляется мне слишком маленькой... При сумме в 5 млрд. долларов военный потенциал Германии окажется мало затронутым и её экономическое разоружение будет мало эффективным. Необходимо не менее 10 млрд. долларов». 25 января Сталин и Молотов приняли Майского. После этой встречи он записывал: «По-видимому, мои возражения против 5 млрд. репараций возымели своё действие. Не знаю, окончательно ли. Посмотрим»¹⁵.

Советское руководство впервые решило обсудить проблему репараций с союзниками на Крымской конференции глав трёх великих держав. Накануне конференции Майский получил указание подготовить конкретные предложения по репарациям. Во исполнение этого указания он в конце января 1945 г. представил Молотову проект документа «Формула по репарациям с Германии», где перечислялись основные формы репараций, в т.ч. 5 млн. человек должны были ежегодно трудиться в СССР, Германия лишалась 75% своей тяжёлой промышленности. Новым был пункт о том, что предприятия собственно военной промышленности рассматривались как военные трофеи и не входили в репарации¹⁶.

Но «Формула», как и другие разработки Комиссии Майского, не была утверждена руководством страны. Поэтому Майский, встречаясь с американским послом Гарриманом накануне Крымской конференции, был вынужден «уклоняться от ответа» на прямые вопросы о сумме репараций, сроках выплаты, количестве германских рабочих¹⁷.

Крымская конференция (1–11 февраля 1945 г.) явилась большим успехом для Майского как разработчика советской репарационной программы. Он был членом советской делегации и выступил на пленарном заседании с докладом о репарациях. События развивались следующим образом. 5 февраля на пленарном заседании Сталин предложил обсудить вопрос о репарациях. Поддержав это предложение, Рузвельт поинтересовался проблемой использования немецкой рабочей силы. Сталин ответил, что у СССР «имеется план материальных репараций. К обсуждению же вопроса об использовании германской рабочей силы Советское правительство пока ещё не готово»¹⁸. С этого времени в советских документах некоторое время ещё используется термин «немецкая рабочая сила», но уже без всякой конкретизации.

Для самого Майского работа конференции началась с неприятного инцидента. Майского не предупредили, что он должен будет на первом заседании конференции присутствовать и переводить Сталину. Вот как он сам повествует об этом. «Когда я сел за стол рядом со Сталиным на втором заседании, Сталин раздражённо обратился ко мне: «Почему Вы не явились на первое заседание?» Я ответил, что не был извещён о необходимости моего присутствия на этом заседании. Сталин ворчливо продолжал: «Не был извещён? Как не был извещён? Вы просто не дисциплинированы... Своевольничаете. Разные там ленд-лизы по своему усмотрению устраиваете»¹⁹.

Далее события развивались следующим образом. В своём Дневнике Майский записывает: «Сталин ещё не видел моей «Формулы». Да и сам Молотов при мне начал было читать, но на половине не дочитал». Но когда Черчилль спросил о материальных репарациях, произошло следующее. «Тут Сталин повернулся ко мне и несколько небрежно бросил «Докладывайте...». – «Но Вы же не видели моей «Формулы». – «Ничего, докладывайте... только не касайтесь вопроса о труде». Молотов спросил, какую цифру назвать: пять или десять? «Десять», – ответил Сталин»²⁰.

Далее Майский, выступая на английском языке, изложил основные положения советской репарационной программы. Она предполагала взимание репараций натурой (единовременные изъятия промышленного оборудования на протяжении 2 лет и товарные поставки в счёт репараций на протяжении 10 лет), экономическое разоружение Германии и ликви-

дацию военной промышленности; строгий контроль трёх держав над экономикой Германии на протяжении 10 лет; право СССР на получение reparаций в сумме 10 млрд. долларов; создание в Москве Межсоюзной репарационной комиссии²¹.

Отвечая Рузвельту и Черчиллю, Майский подчёркивал, что СССР против превращения Германии в голодную, раздетую страну, что предъявляемые требования вполне посильны для Германии, которая «имеет все шансы построить свою послевоенную экономику на основе расширения сельского хозяйства и лёгкой индустрии»²².

7 февраля Молотов вручил Стеттиниусу и Идену краткий меморандум, в котором декларировалась общая сумма reparаций в 20 млрд. долларов, распределявшихся следующим образом: СССР – 10 млрд., Великобритания и США – 8 млрд., остальные страны – 2 млрд. долларов. Предполагалось учредить Межсоюзную репарационную комиссию (МРК) из представителей трёх стран, которая должна была работать в Москве²³.

При обсуждении репарационных проблем главами делегаций Рузвельт высказался за принятие цифр, названных Майским, как «основы» для дальнейших переговоров. Черчилль высказался против. Он заявил: «Что касается русского плана reparаций, то для его рассмотрения требуется время. Он не может быть принят немедленно»²⁴.

В Протоколе Ялтинской конференции фиксировалось создание Межсоюзной репарационной комиссии (МРК) в Москве. Советская и американская делегации согласились принять в качестве базы для обсуждения в МРК сумму reparаций в 20 млрд. долларов (50% этой суммы для СССР). По мнению британской делегации, пока не могут быть названы никакие цифры reparаций²⁵.

Так завершился первый этап деятельности Майского как разработчика советской репарационной программы. Сам он считал его вполне успешным. В частном письме А.М. Коллонтай от 9 марта 1945 г. Майский с удовлетворением констатировал: «Конференция приняла все те основные установки по этому вопросу, которые были разработаны в моей Комиссии по возмещению ущерба»²⁶.

Однако, как показали дальнейшие события, оптимизм Майского был сильно завышен. Сразу же возникли вопросы: насколько обоснованы были предлагаемые Майским расчеты суммы reparаций? Такие вопросы ставили не только западные эксперты, но и те сотрудники советской военной администрации в Германии, кому практически пришлось заниматься reparациями. Так, М.И. Семиряга задавался вопросом, из какого расчета исходил Майский, называя 10 млрд. долларов?²⁷ Назначенный заместителем по экономике Главноначальствующего СВАГ К.И. Коваль

перед отъездом в Германию в начале мая 1945 г. спросил у Майского: «...есть ли в НКВД какие-либо холодные расчеты, обосновывающие запрошенный размер репараций в 10 млрд. долларов? Однако «холодного расчета» по размеру германских репараций я не получил». Майский лишь сказал, что общий ущерб СССР от войны с Германией исчислен в 128 млрд. долларов. Запрошенные 10 млрд. составляют 1/12 ущерба²⁸.

Но главное было в другом. Весной 1945 г. существенно меняется международная обстановка. Приближение окончания войны серьезно осложняет отношения между союзниками. Уже 28 марта Гарриман пишет о «пугающем повороте в наших отношениях с Советским правительством после Крымской конференции»²⁹. После смерти президента Рузвельта администрация Трумэна, поддерживаемая Черчиллем, берёт жёсткий курс политики в отношении СССР.

Второй этап в деятельности Майского как руководителя разработки советской репарационной программы охватывает время от Ялты до Потсдама. Теперь ему приходилось действовать в составе Межсоюзной репарационной комиссии (МРК), пытаясь убедить своих американских и британских коллег принять советские предложения. Период это оказался для Майского трудным и малоудачным. В связи с выходом союзных войск на территорию Германии сама проблема репараций из абстрактно-теоретической обретает практическое значение. В СССР создаются новые структуры, вне рамок НКВД, которые должны были действовать на территории Германии, оккупированной советскими войсками. В феврале 1945 г. было создано Главное трофейное управление Наркомата обороны во главе с генералом Ф. Вахитовым. Затем был учреждён вневедомственный Особый комитет при Государственном Комитете Обороны во главе с Маленковым. В состав Особого комитета входили Н.А. Булганин, Н.А. Вознесенский, А.В. Хрулев, Ф.И. Вахитов, его задача сводилась к координации деятельности по демонтажу предприятий на территории Германии, занятой советскими войсками. На первом заседании Особого комитета в начале мая 1945 г. Маленков приказал К.И. Ковалю: «...демонтаж намеченных предприятий для репараций в Восточной Германии, включая все секторы Берлина, разворачивайте немедленно»³⁰. Из Берлина нужно было до прихода англо-американских войск вывезти всё ценное промышленное оборудование.

По официальным данным, к 9 мая 1945 г. в СССР было отгружено из Германии 48 тыс. вагонов или около 550 тыс. тонн оборудования и материальных ценностей примерной стоимостью около 203 млн. долларов (это результат деятельности Главного трофейного управления). К 8 июля 1945 г. было вывезено или намечено к вывозу в СССР (включая отгру-

женное до 9 мая) около 4 млн. тонн стоимостью примерно 1480 млн. долларов³¹. Не следует думать, что подобные действия характерны лишь для советской стороны. Американские и английские войска, покидая советскую зону оккупации, вывозили сотни вагонов материальных ценностей.

В этих условиях, когда демонтаж оборудования и вывоз его в СССР в счёт трофеев обретает первенствующее значение, деятельность Комиссии Майского и самой МРК оказывается на периферии внимания советского руководства. Работа МРК разворачивалась очень медленно, поскольку США и Великобритания явно саботировали выполнение ялтинских решений. Майский был назначен советским представителем в МРК 14 марта, а её первое заседание состоялось лишь 21 июня 1945 г. Более трёх месяцев по дипломатическим каналам шло урегулирование вопросов, выдвигаемых англо-американской стороной в связи с предстоящей работой МРК. Не спешили союзники с назначением своих представителей в МРК. 9 апреля 1945 г. Гарриман в беседе с Вышинским пообещал, что американские и британские представители придут в Москву к 1 мая, но при этом предложил включить Францию в состав МРК, что не предусматривалось ялтинской формулой. В обещанный срок в Москву никто не прибыл. Лишь 30 апреля поверенный в делах США Дж. Кеннан сообщил Майскому, что Э Поули назначен членом МРК в ранге посла, а И. Любин в ранге посланника будет помощником Поули³².

7 мая находившийся в Сан-Франциско Молотов принял Гарримана и Поули. Гарриман снова поднял вопрос о приглашении Франции в МРК, Поули предложил перевести МРК из Москвы в Германию. Всё это нарушало ялтинский формат МРК и было Молотовым отвергнуто. Американцы высказали претензии в связи с вывозом из Германии оборудования и имущества до подписания соглашения о репарациях, утверждая, что США ничего не вывозят до достижения «общего соглашения о репарациях». Молотов отмахнулся: «Это мелкий вопрос, который может быть урегулирован, как только Репарационная комиссия приступит к работе»³³.

В середине мая американцы предложили совместную поездку членов МРК по промышленным областям Германии для того, чтобы представить реальную ситуацию в экономике побеждённой страны. По указанию Молотова Майский не стал участвовать в этом проекте. Тогда же в разговоре с Кеннаном Майский предложил включить в состав МРК наряду с Францией представителей Польши и Югославии как наиболее пострадавших от немецкой оккупации. Американцы это отвергли.

В конечном счёте была достигнута договорённость о начале работы МРК в трёхстороннем варианте, как было установлено на Ялтинской конференции. 12 июня Майский впервые встретился в Москве с Э Поули

и И. Любиным. Первоначальное впечатление об американских представителях у него сложилось положительное. «Мой общий вывод из разговора с Поули и Любиным сводится к тому, что намерения у них неплохие (особенно у Любина, который настроен, видимо советофильски)». Некоторую сдержанность американцев он объяснял тем, что они «пока не хотят связывать себе руки». Сложнее будет с англичанами, отмечал Майский. «Мне представляется, что с английской стороны будет больше оппозиции против наших намерений, чем с американской»³⁴.

Наконец, 18 июня в Москву прибыл британский представитель в МРК У. Монктон. 21 июня на первом официальном заседании МРК был образован руководящий комитет в составе: от СССР – Майский и Сабуров, от США – Э Поули и И. Любин, от Великобритании – У. Монктон и Д. Уэйли. Советская комиссия по возмещению ущерба, возглавляемая Майским, была преобразована в советскую часть МРК. Можно было начинать работу.

Майский внёс на рассмотрение МРК документ «Основные линии плана репараций с Германии», в котором повторил основные положения, высказанные им на Крымской конференции (общая сумма репараций 20 млрд. долларов, на долю СССР – 10 млрд. долларов). Но западные представители обсуждать это не стали, ссылаясь на недостаточную обоснованность.

2 июля Майский направил Записку Молотову, в которой предлагал искать компромисс на переговорах в МРК и пойти навстречу американцам в некоторых вопросах. Он подчёркивал, что «американцы и англичане очень желают к свиданию Трёх подготовить какие-либо предложения по репарационному вопросу». Майский предлагал: «Принять предложение Поули о подготовке к свиданию Трёх проекта решений по вопросам о распределении репараций, о сроках и формах привлечения малых наций и о создании механизма для срочных изъятий в счёт репараций»³⁵.

Ответа на свои предложения Майский не получил, хотя 9 июля у Молотова состоялось совещание с участием Маленкова, Берии, Вознесенского, на котором было принято решение предложить союзникам, чтобы две трети репараций шли за счёт изъятий из национального богатства Германии (перечислялись категории изъятий) и одна треть – за счёт товарных поставок. Это был новый пункт советской программы, и предполагалось представить этот документ в МРК, но по каким-то причинам этого сделано не было³⁶.

Переговоры в МРК зашли в тупик. Инициативная роль переходит к американскому представителю Поули. 3 июля он заявил об отказе США от признания общей суммы репараций в 20 млрд. долларов. 12 июля он же предлагает проект соглашения о процентном распределении общей суммы репараций: СССР – 56%, Великобритания – 22%, США – 22%, при этом каждая из трёх держав выделяет определённую долю другим странам – получателям репараций³⁷.

13 июля состоялось последнее заседание МРК. Не приняв никакого решения, участники МРК отправились на Берлинскую конференцию глав трёх великих держав. Майскому так и не удалось повернуть работу МРК в сторону учёта интересов СССР.

Заключительным этапом деятельности Майского на германском направлении явилась Берлинская (Потсдамская) конференция, работавшая с 17 июля по 2 августа 1945 г. Майский был членом советской делегации, но выступить ему удалось лишь на заседании Экономической комиссии, где он пытался защищать советскую репарационную программу.

Первоначально правительство СССР не предполагало ставить на обсуждение в Потсдаме репарационный вопрос. Только 7 июля Молотов сообщил Гарриману о желательности обсуждения проблем репараций на встрече лидеров трёх стран. В перечне вопросов, которые советская сторона предполагала к обсуждению на Потсдамской конференции, «репарации» значились на пятом месте из 15 пунктов³⁸.

Но фактически на конференции этот вопрос оказался одним из главных, и советской стороне пришлось пойти на серьёзные уступки западным странам по репарационной проблеме.

23 июля на неофициальной встрече с Молотовым госсекретарь США Дж. Бирнс предложил перейти к зональному принципу взимания репараций: каждая страна удовлетворяет свои репарационные претензии за счёт своей зоны оккупации. Зональный принцип получения репараций был невыгоден СССР. Зоны оккупации были определены в сентябре 1944 г. на заседании Европейской консультативной комиссии (ЕКК). По словам К.И. Коваля, советская зона «располагала крайне плохими экономическими предпосылками для обеспечения жизненного уровня населения и самостоятельного существования. Она не имела, кроме бурого угля и калийных полей, никаких экономических ресурсов и фактически лишена тяжёлой промышленности и её инфраструктуры». Вся территория Восточной Германии была ареной ожесточённых боёв и имела большие разрушения³⁹.

24 июля в Экономической комиссии эксперты обсуждали этот вопрос. Майский, ссылаясь на оценки академика Е. Варги, выступил против

предложения Бирнса, доказывая, что лишь 30% движимого имущества Германии находится в советской зоне. Он направляет специальную записку Молотову, в которой утверждает, что зональный принцип получения репараций во всяком случае не может быть распространён на ежегодные товарные поставки в счёт репараций «ввиду относительной бедности нашей зоны». Товарные поставки в счёт репараций необходимо проводить «не по зонам, а во всегерманском масштабе»⁴⁰.

27 июля на совещании министров иностранных дел Бирнс заявил, что США отвергают сумму репараций в 20 млрд. долларов, ссылаясь на большие разрушения Германии в ходе войны. Молотов, заявив, что «считает работу Комиссии по репарациям неудовлетворительной», согласился на сокращение суммы репараций. «Мы не настаиваем на ялтинских цифрах»⁴¹.

29 июля состоялась встреча Молотова с президентом Трумэнном (Сталин был болен). Обсуждался вопрос о возможности получения СССР репараций из западных зон. Молотов ещё раз заверил американцев, что советская сторона отказывается от цифр, указанных в ялтинских решениях. Трумэн, на которого произвели некоторое впечатление аргументы о «бедности» советской зоны, согласился на то, чтобы СССР получил 25% предназначенного для репараций промышленного оборудования из Рурской области⁴².

Заключительное обсуждение репарационных проблем состоялось 31 июля на заседании глав трёх делегаций. Начиная обсуждение, Сталин заявил: «Главный вопрос, который вызывает споры и разногласия, – это вопрос о репарациях с Германии». Далее, демонстрируя готовность к уступкам, он подтвердил, что советская сторона «отказалась от выставления определённых цифр и количества и перешла на проценты». Сталин согласился с американским планом о зональных изъятиях и с тем, чтобы Контрольный Совет определил количество оборудования для репараций и для мирного развития германской экономики⁴³.

США и Великобритания связывали репарационный вопрос с вопросом о западной границе Польши, признания которой добивался СССР, и принятии ряда государств в ООН. Получив уступку советской стороны в вопросе о репарациях, западные страны согласились на границу Польши по Одру и Нейсе.

Ирония судьбы: в упомянутой ранее Записке от 11 января 1944 г. Майский подчёркивал: «Мы не заинтересованы в рождении слишком большой и слишком сильной Польши», на конференции в Потсдаме именно из-за создания «большой и сильной» Польши Сталин и Молотов пошли на уступки в репарационной программе, которую разрабатывали Майский и его коллеги.

В принятом 1 августа 1945 г. Протоколе Берлинской конференции фиксировались следующие уступки СССР в репарационном вопросе: общая сумма репараций не определялась; закреплялся зональный принцип получения репараций (СССР мог дополнительно получить 15% промышленного оборудования, выделенного для репараций из западных зон, в обмен на поставки продовольствия и сырья из советской зоны и 10% оборудования – без оплаты); СССР отказывался от акций промышленных предприятий в западных зонах, от заграничных активов Германии (кроме германских активов в Болгарии, Финляндии, Румынии, Венгрии и восточной Австрии), а также от претензий на захваченное союзниками немецкое золото.

Важным был пункт Протокола, по которому решение конкретных вопросов изъятия промышленного оборудования для репараций передавалось Контрольному Совету. Он должен был в срок до шести месяцев определить количество и характер оборудования, подлежащего изъятию в счёт репараций⁴⁴. Вскоре Советское правительство согласилось на включение представителей Франции в МРК и перевод самой МРК из Москвы в Берлин.

Отступление было фактически по всем позициям. Тем не менее, советское руководство сочло достигнутый компромисс удовлетворительным. Молотов в циркулярном письме советским дипмиссиям за рубежом писал: «Можно считать, что принятое на Берлинской конференции решение по репарационному вопросу представляет шаг вперёд»⁴⁵.

Однако К.И. Коваль, которому пришлось на практике до 1950 г. заниматься репарационными делами, имел другое мнение. В своих воспоминаниях он писал: «До сих пор трудно понять, как могли Сталин, Молотов, Майский, не утвердив в решениях конференции союзных держав в Потсдаме размер репараций для СССР, включая Польшу, в 10 млрд. долларов, согласиться с переносом в Контрольный Совет такого важного и сложного международного вопроса по итогам второй войны, каким является вопрос о возмещении ущерба, нанесённого СССР и его народу – репарациях»⁴⁶.

Конечно, основная доля вины за провал советского репарационного плана ложится на Сталина и Молотова, которые, по словам того же К.И. Коваля, «в борьбе за выигрыш в политических играх принесли в жертву разорение СССР». Но, видимо, своя доля ответственности падает и на Майского, которому не удалось выработать такую схему решения проблемы репараций, которая учитывала бы и материальные интересы СССР, и реалии послевоенной Европы.

Вскоре после окончания Потсдамской конференции разрешился давно назревавший конфликт между Майским и Молотовым. 9 августа 1945 г.

последний в присутствии Вышинского обвинил Майского в «хвостизме» перед Поули, в том, что оно плохо отстаивал в МРК интересы СССР. Майский был освобождён от обязанностей руководителя советской части МРК, на его место был назначен заведующий Вторым европейским отделом НКВД К.В. Новиков⁴⁷.

После своей отставки с поста в МРК Майский ещё несколько месяцев числился в НКВД в ранге заместителя наркома, выполняя разовые поручения, а фактически являясь «безработным». 22 марта 1946 г. он записал в Дневнике: «Моё положение в НКВД в течение нынешней зимы было ненормальное. Со времени освобождения меня от представительства в МРК 9 августа... у меня не было никакой работы в НКВД. Я несколько раз обращался к наркому, прося дать мне работу (последний раз я обращался письменно 28 февраля), но безуспешно». 26 марта при личной встрече Молотов маловразумительно объяснял причины отставки Майского: «Был пассивен в писании и не вошёл в практическую работу НКВД, и по репарациям оказался «слабоват»⁴⁸.

В марте 1946 г. происходит преобразование НКВД в МИД, Майского уже нет в числе заместителей министра. Правда, 23 апреля его вводят в состав Коллегии МИД. Оставшись фактически без определённой работы в МИДе, Майский пишет Молотову: «В создавшейся ситуации я вижу для себя один выход – избрания меня действительным членом АН СССР... Прошу дать указание общественным организациям МИД выдвинуть мою кандидатуру»⁴⁹. Но решение вопроса зависело не от Молотова, требовалась санкция Сталина.

Видный дипломат того времени В.С. Семёнов оказался невольным свидетелем разговора Сталина и Молотова о судьбе Майского. Сталин с очевидным раздражением спрашивал: «Куда его (Майского) девать?». Молотов: «Он просится в Академию наук». Сталин: «Что именно он написал?» Молотов: «Несколько мелких работ по английскому рабочему движению»⁵⁰.

3 мая 1946 г. сам Майский пишет Сталину: «...в настоящее время, пожалуй, наиболее рациональное использование моих сил было бы в АН СССР, где я мог бы специализироваться на истории международных отношений и мировой политики эпохи войн и революций, т.е. в основном в XX веке»⁵¹. Согласие было получено, и 19 июня 1946 г. Учёный совет МГИМО выдвинул кандидатуру Майского в академики АН СССР.

Характеризуя свой «научный багаж» перед избранием в академики, Майский писал Г.Ф. Александрову, тогда зав. отделом пропаганды ЦК ВКП(б): «Наиболее научная книга «Современная Монголия» и, пожалуй,

«Происхождение капиталистической Японии». Остальное – публицистика и политика»⁵².

Выборы состоялись 30 ноября 1946 г. Это было большое пополнение Академии наук после войны. Но по специальности «история» было избрано лишь два человека: Майский и Минц.

7 января 1947 г. Майский был освобождён от обязанностей члена Коллегии МИД «ввиду перехода на другую работу». Тогда же, в январе 1947 г., он был выведен из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б), куда был избран ещё на XVIII партконференции в 1941 г. Одновременно с Майским из состава кандидатов в члены ЦК был выведен Г.К. Жуков.

Так завершилась долгая дипломатическая карьера Майского. Ему было 63 года, он проживёт ещё почти тридцать лет, будет вести научно-педагогическую деятельность, напишет мемуары, принесшие ему известность в стране и за рубежом.

Глава 5. «ОСЕНЬ ПАТРИАРХА»: И.М. МАЙСКИЙ И ЕГО МЕМУАРЫ. 1947–1975 гг.

Оставив дипломатическое поприще, Майский теперь занимается научно-педагогической работой. У него большие планы. Будучи зачислен старшим научным сотрудником в Институт истории АН СССР, он уже в январе 1947 г. пишет директору Института академику Б.Д. Грекову, что основным направлением его научной работы будет тема «Внешняя политика Великобритании между двумя мировыми войнами (1918–1939 гг.), и предлагает создать специальный сектор истории международных отношений с 18 штатными единицами научных сотрудников.

С 1948/49 учебного года он читает лекции в МГУ по истории Испании, ведёт занятия в ВДШ и ВПШ. Майский начинает работу над книгой «Испанская война. 1936–1939 гг.», но она вызвала критические замечания Д. Ибаррури и не была окончена.

Однако всё это было прервано неожиданным арестом и последующими годами заключения и долгой реабилитации. Все обстоятельства, связанные с этими событиями, до сих пор остаются запутанными и непонятными.

Официальная версия, изложенная самим Майским, гласит следующее. 19 февраля 1953 г. Майский был арестован на основании показаний К.Е. Зинченко, бывшего сотрудника посольства в Лондоне, обвинённого в шпионаже. Майского обвинили в шпионаже и измене Родине (статья 58 УК РСФСР). На первом допросе он отказался признать предъявленные ему обвинения, но затем признал, что с 1925 г. работал на английскую разведку.

После смерти Сталина и Майский, и Зинченко отказались от своих признаний как полученных незаконными методами следствия. 27 марта 1953 г. в стране была проведена широкая амнистия, под которую Майский не попал. В августе 1953 г. он был переведён в Бутырскую тюрьму, где и встретил своё 70-летие.

Шли годы, в стране менялась общественно-политическая обстановка, наступила «оттепель», но Майский продолжал сидеть в одиночной камере Бутырской тюрьмы. Следствие продолжалось два с половиной года. Военная коллегия Верховного суда рассматривала дело Майского с 28 мая по 13 июня 1955 г. Обвинение в измене Родине (ст. 58) было снято, и Майского осудили за злоупотребление служебным положением (ст. 109 УК РСФСР) на 6 лет высылки без поражения в правах. Обвинение по

этой статье подпадало под амнистию 1953 г., но к Майскому она не была применена. Дело в том, что Президиум Верховного Совета СССР 11 июня 1955 г. специальным указом изъяс Майского из-под действия амнистии 27 марта 1953 г. Майский с возмущением писал: «Мне неизвестно и непонятно, почему это было сделано. Если бы амнистия 1953 года, как то полагалось по закону, была ко мне применена, то моё дело было бы прекращено и я был бы реабилитирован»¹.

Суть самого обвинения сводилась к следующему. В 1941 г. Майский неофициальным путём получил фотоплёнку с текстом проекта «Белой книги» МИД Англии, посвящённой англо-советским переговорам в 1939 г., и не отправил её в Москву, а хранил в личном архиве. Там она и была обнаружена при обыске. Майский объяснял это тем, что хотел проявить плёнку и прочитать текст, но впоследствии забыл об этом и свой личный архив не разбирал.

В письме Хрущёву по этому поводу Майский писал: «Я не читал её сам, но по аналогии с другими английскими «Белыми книгами» думаю, что в основном она состояла из переписки Галифакса с послом в Москве Сиидсом по вопросам тройственных переговоров». Имела ли она актуальное политическое значение? Нет, не имела, ибо «она так и осталась неопубликованной». Странно, «что история с микроплёнкой «Белой книги» могла сыграть роль единственного (единственного!) основания для вынесения мне обвинительного приговора»².

Действительно, это событие могло быть расценено, в крайнем случае, как служебное упущение. Тем более что председатель Верховного суда СССР А.Ф. Горкин полагал, что отсутствует состав преступления, вопреки мнению Генерального прокурора Р.А. Руденко, поддержавшего обвинение.

Через полтора месяца после вынесения обвинительного приговора Президиум Верховного Совета СССР удовлетворил просьбу Майского о помиловании и освободил от наказания. 2 августа 1955 г. Майский пишет своему другу режиссёру Завадскому: «Я вновь вернулся домой»³. начинается борьба за реабилитацию и восстановление доброго имени. 20 марта 1957 г. Майский восстановлен в КПСС с сохранением партийного стажа с 1921 г., в августе 1960 г. вопрос о реабилитации Майского рассматривался в Отделе административных органов КПСС. И наконец 20 сентября 1960 г. Президиум ЦК КПСС постановил «признать целесообразным прекратить судебное дело Майского И.М.»⁴.

Возникает вопрос: почему процесс реабилитации видного дипломата, академика затянулся на столь долгое время, почему он решался на столь высоком уровне?

Свою версию этих событий в сентябре 1976 г., уже после смерти Майского дал Молотов. В разговоре с Ф. Чуевым он рассуждал следующим образом. Майский был арестован за две недели до смерти Сталина. «По указанию Сталина? Конечно. И сидел – уже Хрущёв был. Вроде был замешан в деле Берии. Он рассказывал, что Берия хотел его завербовать и использовать. После смерти Сталина он вызвал Майского и предложил ему быть информатором, и тот как будто отказался...». Ф. Чуев: «Запад говорит, что Берия в своём правительстве после переворота хотел назначить его министром иностранных дел». Молотов: «Я этого не исключая... Согласие Майского наверно было... я так думаю. Когда взяли Берию, копнули и Майского»⁵.

Сходная версия выдвигалась и генералом П. Судоплатовым. По его словам, Берия указал ему на Майского как на фигуру «идеальную и важную для того, чтобы осуществить зондаж наших новых инициатив на Западе. Он мог завязать личные контакты на высоком уровне, чтобы проводить нашу резко изменившуюся после смерти Сталина политику». Когда арестовали Берию, Майский, к которому Маленков и Молотов относились плохо, был обвинён в сговоре с Берией с целью стать при нём министром иностранных дел.

На собственном судебном процессе Судоплатова Генеральный прокурор Р.А. Руденко требовал у него показаний о привлечении Берией Майского «для установления тайных контактов с Черчиллем»⁶.

Так или иначе, но арест, суд и долгая реабилитация явились для Майского тяжёлой морально-психологической травмой, оказавшей влияние на всю оставшуюся жизнь. Начинать приходилось всё сначала.

Он пишет декану исторического факультета МГУ А.В. Арциховскому с просьбой зачислить его на ½ ставки на кафедру новой истории, обращается к учёному секретарю АН СССР А.В. Топчиеву с просьбой выделить для него ставку старшего научного сотрудника в Институте истории. Но зачисление на работу затягивалось. 1 декабря 1955 г. он вынужден был обратиться в ЦК КПСС: «Я вышел из тюрьмы с горячим желанием принести максимум пользы советскому государству... Однако все мои попытки вернуться в Институт истории и в МГУ, где я работал до ареста, кончились неудачей... В результате вот уже четыре месяца как я хожу без работы и без зарплаты в полной неизвестности о своём будущем»⁷.

Главным делом своей жизни после освобождения Майский считал написание воспоминаний о своём прошлом. Ещё накануне войны он записывал в Дневнике, что последние 10 лет его жизни «должны бы быть посвящены подведению итогов... написанию моих мемуаров. Ибо собы-

тия моей жизни (по крайней мере, до сих пор) были действительно подобны яркому и увлекательному роману... Я чувствовал бы, что не выполнил своего долга перед будущим историком, если бы ушёл из жизни, не оставив такого «человеческого документа», каким являлись бы мои воспоминания»⁸.

Приступая к написанию своих мемуаров, Майский утверждает, что считает своим образцом «Былое и думы» А.И. Герцена. В письме Хрущёву от 15 июля 1958 г. он писал: «Величайшим образцом мемуарной литературы считается «Былое и думы» Герцена. По мере моих скромных сил и с учётом разницы в эпохах я стараюсь следовать этому примеру»⁹. Но это была не более чем фраза. «Былое и думы» писал свободный человек в свободной стране. Майский жил и работал в стране, где было заидеологизировано всё и вся. Поэтому не случайна его оговорка о «разнице в эпохах».

Во главу угла при написании своих текстов Майский ставит задачу участия в идеологической борьбе с буржуазной идеологией. Что в конечном счёте определит характер и значимость его мемуаров. В письме вице-президенту АН СССР П.Н. Федосееву он писал: «Мои воспоминания дипломатического характера имеют большую актуальность как оружие нашей контрпропаганды против исторических фальсификаций Запада»¹⁰.

Но начинается затяжная, отнявшая много сил и времени борьба за возвращение личного архива, конфискованного при аресте, за доступ к дипломатическим документам, в т.ч. его собственному Дневнику. 26 сентября 1955 г. Майский пишет начальнику Историко-дипломатического управления МИД В.М. Хвостову: «...я уже лет 30 назад решил написать на склоне лет свои мемуары. Под этим углом зрения на протяжении многих лет я собирал материалы (в том числе и наркоминдельские), которые в своё время могли бы послужить опорой для моей памяти. С этой целью я вёл в Лондоне дневник... Я крайне заинтересован в возможности использовать для указанной работы ту часть архива, которая должна поступить в МИД СССР»¹¹.

В своём ответе В.М. Хвостов подтвердил, что личные бумаги Майского переданы в Архивное управление МИД. Как ни странно, но именно МИД будет выступать главным оппонентом Майского при подготовке к публикации им своих мемуаров. В январе 1957 г. Президиум ЦК КПСС рассматривал вопрос о переиздании «Истории дипломатии» и «Дипломатического словаря». Майский входил в состав редакционного комитета первого издания «Дипломатического словаря», но теперь, по предложению тогдашнего министра иностранных дел Д.Т. Шепилова, Президиум ЦК КПСС решил не включать Майского в состав редколлегии «Диплома-

тического словаря», ибо он осуждён судом за злоупотребление служебным положением и не реабилитирован, а лишь помилован в порядке частной амнистии»¹². Члены Президиума Ворошилов и Микоян, давно и хорошо знавшие Майского, к сожалению, не выступили в его защиту.

Опубликованные письма Майского дают представление о том, какие огромные усилия потребовались для получения возможности опубликовать свои мемуары. В том же 1957 г. министром иностранных дел становится А.А. Громыко, с которым у Майского начинается долгая и нудная переписка по вопросу допуска к дипломатическим документам и собственному Дневнику. К отставному дипломату относятся пренебрежительно, нередко не удостоивая ответа либо отказывая без объяснения причин. Всё это завершилось для Майского инфарктом и месяцами пребывания на больничной койке.

25 ноября 1959 г. он пишет довольно резкое письмо лично министру. В нём говорилось, что в Архиве внешней политики РФ работает много исследователей. «Почему же МИД проявляет такую странную дискриминацию в отношении меня?» И далее: «Я не думаю, чтобы у лиц, решивших отказать мне в моей просьбе, было сознательное намерение помешать мне написать мемуары. Но, откровенно говоря, поведение МИД в данном вопросе создаёт впечатление, что у него имеется именно такое намерение»¹³. Последствий это не имело, и в декабре Майский жалуется в письме К. Федину: «Вот уже почти год я веду по этому поводу переписку с Громыко, но воз и ныне там. Вот с какими странными трудностями приходится встречаться мемуаристу-дипломату»¹⁴.

Отстаивая своё право на написание мемуаров, Майский всячески подчёркивает их пропагандистское значение. В письме зам. министра Г.Н. Зарубину он писал: «Публикация моих воспоминаний имела бы полезное для нас пропагандистское значение на Западе, особенно в США и Англии. На страницах моих воспоминаний они прочитали бы о нашей оценке политической ситуации 30-х годов, увидели бы наше изображение государственных людей той эпохи, наше описание тогдашних событий... И всё это было бы преподнесено в наиболее доходчивой для западного читателя мемуарно-полубеллетристической форме»¹⁵.

Ничего не помогало. Майский вынужден апеллировать к высшему руководству партии и страны. В октябре 1960 г. он информирует Хрущёва, что в МИД «считают, что допускать к архивам т. Майского нецелесообразно»¹⁶. Впрочем, это касалось не одного Майского. В МИДе был установлен режим строжайшей секретности. Даже при подготовке томов «Документов внешней политики СССР», которые стали публиковаться в

эти годы, не все члены редколлегии тома имели доступ ко всем документам, относящимся к периоду данного тома.

Только в мае 1964 г. Майский получил возможность читать Дневник и делать из него выписки.

Отдельная тема – это история издания мемуарных книг Майского. Публикация каждой из них стоила автору затраты многих сил и нервов. В письме Н.С. Тихонову в январе 1960 г. он писал: «В 1944 году я выпустил небольшую книжку «Перед бурей» (опубликована с личного согласия Сталина. – *Б.Ж.*). Позднее я написал воспоминания о лондонской политической эмиграции 1912–1917 гг., которые я тщетно в течение трёх лет пытаюсь опубликовать. Я закончил также первый том моих дипломатических мемуаров, о появлении которых в печати сейчас трудно и мечтать»¹⁷.

Рукопись книги о лондонской эмиграции, получившая название «Путешествие в прошлое», сначала была в Гослитиздате, затем её передали в Соцэкгиз (где она лежала около года) и наконец опубликовали в 1960 г. В рукописи находили «серьёзные недостатки и ошибки», которые сводились к слабому показу роли Ленина и большевиков. Автору приходилось дорабатывать текст.

Собственно «дипломатические» мемуары Майского включают шесть книг и около 20 журнальных публикаций. По первоначальному замыслу автор предполагал публикацию в 3 томах (т. I : 1932–1934 гг., т. II : 1932–1941 гг., т. III : 1941–1943 гг.). Воспоминания охватывали только лондонский период деятельности автора, небольшое исключение – Ялтинская конференция.

Первый том был закончен в июле 1958 г. Майский пишет Хрущёву: «Мне кажется, что мне удалось создать книгу, которая, будучи глубоко советской по содержанию, имеет шансы найти дорогу к довольно широкой аудитории за рубежом». При этом многозначительно добавляет: «Разумеется, по усмотрению ЦК я готов внести в текст те или иные изменения»¹⁸. Такой подход автора к своим воспоминаниям вряд ли шёл на пользу объективности изложения материала. Но и это не помогло. В декабре 1958 г. в Отделе пропаганды и агитации ЦК Майскому сообщили, что «решено пока воздержаться от публикации воспоминаний. Мотивы этого решения мне сказаны не были»¹⁹. Только вмешательство Микояна в сентябре 1959 г. сдвинуло дело с места. Он обратился к М.А. Суслову с предложением опубликовать ту часть воспоминаний Майского, где речь шла об англо-советских торговых переговорах 1932–1934 гг. По указанию секретаря ЦК Е.А. Фурцевой Отдел пропаганды и агитации санкционировал публикацию только тех глав, где речь шла о ходе переговоров

по торговому договору, «исключив другие воспоминания, не имеющие прямой связи со служебной деятельностью автора»²⁰. В итоге вместо рукописи объёмом 642 стр. в 1960 г. появилась книга «Воспоминания советского посла в Англии» объёмом 144 стр. О чём шла речь в выпущенных разделах рукописи, Майский в своей переписке не упоминает.

Непростой была история с публикацией следующей книги Майского из серии дипломатических мемуаров – «Кто помогал Гитлеру» (первое название «СССР был прав!»), имевшей наиболее широкий резонанс. Исходным импульсом к созданию этой книги послужила дискуссия на конференции советских и британских историков в сентябре 1960 г., где некоторые английские историки утверждали, что именно СССР был виновником срыва тройственных переговоров. Как отмечал сам Майский, «Я решил написать воспоминания об этом периоде. Так появилась книга «Кто помогал Гитлеру»²¹.

Работая над рукописью, Майский снова обратился в МИД с просьбой разрешить пользоваться дипломатической перепиской, но снова получил отказ. «Не допускаются к служебной переписке лица, не имеющие к ней непосредственного отношения», – говорилось в ответе²².

Опираясь на свои воспоминания, публикации документов в зарубежных странах, Майский в июне 1961 г. закончил работу над рукописью. Он пишет Хрущёву: «В результате получилось произведение, которое, как мне кажется, может служить полезным оружием в нашей идеологической борьбе с Западом... Именно этот боевой характер работы (при её внешне спокойной «тональности») даёт мне смелость посвятить её XXII съезду КПСС»²³.

Тогда же, в июне 1961 г. рукопись книги была передана Суслову, который передал её в МИД для подготовки заключения. В отзыве МИД говорилось о следующих недостатках работы Майского: 1) явное преувеличение личного участия автора в осуществлении внешней политики СССР; 2) упоминание без необходимости имени Молотова; 3) рассуждения автора о конъюнктурности внешней политики СССР и переделе сфер влияния между СССР и Германией; 4) показ Черчилля как гениального политика»²⁴. Автору рекомендовали шире использовать оценочные формулировки из «Истории КПСС».

Очевидно, Майским были внесены какие-то изменения и поправки. Во всяком случае, в опубликованной книге фамилия Молотова упоминается всего пять раз, причём четыре раза она упоминается в цитируемых документах. Вскоре такая же судьба постигнет Хрущёва: в IV томе «Истории дипломатии» президент США Кеннеди будет переписываться с

анонимным Председателем Совета министров СССР. Таковы были политические нравы.

Но ситуация с публикацией книги оставалась неопределённой. Майский в письме к К. Федину жалуется: «Книга «Кто помогал Гитлеру» разрешена к печатанию ЦК, и тем не менее вот уже больше года тянется процесс опубликования 12 п.л., преодолевая всевозможные препятствия, нагромождаемые различными перестраховщиками. Подумать только: вот уже 2 месяца над книгой колдует Главлит!»²⁵.

Опубликованная в 1962 г. книга «Кто помогал Гитлеру» вызвала большой интерес в стране и за рубежом. Она была переведена на 12 иностранных языков, вызвала массу отзывов. А.Ф. Ротштейн, переводивший на английский язык книгу Майского, писал из Лондона 30 марта 1964 г.: «Книга вызвала, по отзывам массы людей, первоклассный шум. Никто не помнит такого «шока» и такой армии защитников Чемберлена, явно потрясённых до глубины души»²⁶. Такой резонанс понятен: было живо ещё немало людей, активно участвовавших в событиях предвоенных лет, в условиях холодной войны идеологическая борьба приобретала ожесточённый характер.

По подсчётам самого Майского, в британской прессе появилось около пятидесяти откликов на его книгу. Из них около десяти (коммунисты и левые лейбористы) носили положительный характер, остальные сорок отзывов делились на «враждебные» и «компромиссные». «Враждебные» отклики печатались в газетах «Дейли телеграф», «Файнэншл таймс», «Йоркшир пост», «Санди таймс» и др. Так, журнал «Спектейтор» писал: «Данная книга не имеет никакой ценности и только вводит читателя в заблуждение». «Компромиссные» оценки появлялись в «Таймс», «Обсервер», Би-Би-Си, «Ньюстейтсмен» и др. В них утверждалось, что политика Чемберлена действительно была плохой, но плохой была и политика СССР»²⁷.

На страницах «Таймс» развернулась дискуссия между Майским и видными английскими историками У. Медликоттом и Л. Вудвардом, утверждавшими, что в развязывании второй мировой войны в равной степени виноваты и СССР, и англо-французский блок. 12 марта и 7 апреля 1964 г. Майский опубликовал в газете свои письма по этому поводу.

Подводя итог спорам по поводу его книги за рубежом, автор писал: «Бурная реакция в Англии на книгу «Кто помогал Гитлеру» свидетельствует о том, что наш контрудар против злостной легенды о поведении СССР накануне второй мировой войны явно попал в цель»²⁸.

В том же 1962 г. была опубликована небольшая книга Майского «Испанские тетради», переведённая на английский и испанские языки. В ней

автор повествует о деятельности Комитета по невмешательству в дела Испании в 1936–1939 гг., где он представлял советскую сторону»

В 1964 г. Майский издаёт «Воспоминания советского посла» в 2 книгах. Кн. 1 : Путешествие в прошлое (переиздание книги 1960 г.) и кн. 2 : Мир или война? В этом же году Майскому наконец-то разрешают использовать его Дневник, хранившийся АВП СССР, и делать из него выписки. Это положительно сказалось на изданной в 1965 г. книге «Воспоминания советского посла. Война 1939–1941», более интересной по содержанию и написанной с литературным блеском. Книга была переведена на восемь иностранных языков и встретила положительные оценки. Газета «Таймс» отмечала: «Мистер Майский находится вне конкуренции, его мемуары достойны, чтобы их читали и перечитывали». «Обсервер»: «Его мемуары хорошо написаны и великолепно переведены»²⁹.

Но здесь Майского ждал совершенно неожиданный удар. Выступая на XXIII съезде КПСС 30 марта 1966 г., первый секретарь компартии Грузии Мжаванадзе отрицательно отозвался о последней книге мемуаров Майского. Трудно сказать, кто и почему вставил в текст речи Мжаванадзе абзац с критической оценкой этой книги. Грузинский деятель говорил об искажении истории авторами мемуарной литературы: «Некоторые из них, принимаясь за свои воспоминания, озабочены не столько тем, чтобы написать историю, сколько тем, чтобы показать себя в истории, увековечить своё имя. В качестве примера можно назвать вышедшую в конце прошлого года книгу Майского «Воспоминания советского посла»³⁰.

Конечно, упоминание его фамилии на съезде партии в негативном контексте было неприятным событием для Майского. Приходилось оправдываться. Но сделал он это с большим достоинством. В письме, направленном 21 апреля 1966 г. в Политбюро ЦК КПСС, он стремился показать значимость мемуарной литературы в идеологической борьбе и подчёркивал правдивость своих воспоминаний.

Майский писал: «Будучи историком, я хорошо знаю, какую большую историческую ценность представляют мемуары современников прошлых событий... И мне хотелось оставить историкам будущего человеческий документ о важных событиях прошлой эпохи. Ещё большее значение имеет желание ударить по различным антисоветским фальсификациям о войне. Я хорошо знаю, что до сердца западного читателя особенно доходчива мемуарная литература, да ещё живо написанная, и это было ещё одним веским аргументом в пользу того, чтобы облечь мою контрпропаганду в форму воспоминаний». Он подчёркивал: «...мои воспоминания основаны на точных фактах и документах (конечно, в мемуарной форме)»³¹.

Осенью 1968 г. восемь академиков АН СССР обратились к Брежневу и Косыгину с просьбой издать в полном трёхтомном варианте воспоминания Майского. В ответе руководителей государства говорилось о нецелесообразности нового издания после публикаций 1964 и 1965 гг. По этому поводу Майский пишет Громько: «В связи с моим 85-летием было намечено издать три тома моих воспоминаний. Однако кто-то всё время ставит тут палки в колёса. Кто именно, пока не знаю... Прошу Вас оказать содействие в освобождении пути для издания моих мемуаров»³².

В конечном счёте было решено «после длительных согласований в МИДе и Главлите» выпустить однотомник мемуаров Майского «Воспоминания советского дипломата. Война 1925–1945», который и был опубликован в 1971 г. (второе издание этой книги вышло в 1987 г.).

В начале 70-х гг. выходят последние прижизненные издания мемуарных произведений Майского. В 1972 г. Агентство печати «Новости» выпустило для зарубежных читателей на семи иностранных языках брошюру «Мюнхенская драма», а в 1973 г. была опубликована книга «Люди. События. Факты», содержащая воспоминания автора о Чичерине, Литвинове, Ротштейне, Красине, Коллонтай, Довгалеvском, Трояновском.

Майский работал над своими воспоминаниями до последних дней жизни. Его последний замысел состоял в намерении написать книгу о Черчилле и его окружении. В письме академику-секретарю Отделения исторических наук АН СССР от 10 сентября 1974 г. он писал, что работа о Черчилле – «это мои личные воспоминания о Винстоне Черчилле, сложившиеся на протяжении десятка лет (канун и развязывание второй мировой войны) от близкого и разнообразного контакта с Черчиллем... Такого случая вообще не бывало в истории нашей дипломатии, и собранные тогда сведения могут иметь политическое и историческое значение»³³.

Работа шла успешно, и Майский опубликовал мемуарные зарисовки «Черчилль и его окружение (фрагменты из воспоминаний)» в журнале³⁴. Как оказалось, это была последняя публикация. Но с опубликованием всей книги возникли новые сложности. Кто-то, как отмечал ранее Майский, действительно «вставлял палки в колёса» публикации 90-летнего мемуариста. Ему приходилось снова и снова доказывать своё право на публикацию воспоминаний и значимость этого для страны.

5 июля 1975 г. Майский обращается к вице-президенту АН СССР П.Н. Федосееву – издательство «Наука» «совершенно неожиданно и по непонятным мне причинам сняло принятое к изданию в текущем году моё последнее произведение «Воспоминания о Черчилле, его окружении

и времени... Мне сейчас 91 год, и в течение последних пяти лет я упорно работал над своей последней книгой».

Далее он пишет, что его книга является «уникальной», поскольку основана на многолетних личных взаимоотношениях автора с британским премьером и подтверждает возможность сотрудничества государств с различным социально-экономическим строем. Заканчивается обращение к вице-премьеру воплем отчаяния: «...посоветуйте, как защитить мне книгу»³⁵.

Ответа на своё обращение 90-летний академик не дождался, и через два месяца И.М. Майский скончался.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В своих устных воспоминаниях, записанных Ф. Чуевым, Молотов утверждал: «У нас централизованная дипломатия. Послы никакой самостоятельности не имели. И не могли иметь... Роль наших дипломатов, послов была ограничена сознательно... Дипломатия у нас была неплохая. Но в ней решающую роль сыграл Сталин, а не какой-нибудь дипломат»¹.

Так и было. Поэтому совершенно неправомерно рассуждать о том, что снятие Литвинова с поста наркома иностранных дел в мае 1939 г. было связано с тем, что он якобы проводил свою политику по вопросам европейской безопасности с опорой на Англию и Францию. Была одна «сталинская» внешняя политика, которая менялась с изменением приоритетов.

Тем не менее, не следует абсолютизировать высказывания Молотова. Послы были разные. С одной стороны, были дипломаты типа А.А. Шкварцева, полпреда в Германии в 1939–1940 гг., о котором В.Н. Павлов, работавший тогда первым секретарём полпредства, писал следующее: «Вскоре обнаружилось, что Шкварцев не умеет формулировать свои мысли на бумаге... Хуже было то, что он не имел ни малейшего представления о том, как следует вести свой разговор с иностранцами. Порой он говорил им всякие глупости»².

С другой стороны, Майский, прослуживший в Лондоне одиннадцать лет. Это большой срок с любой точки зрения. Даже Молотов, скупой на положительные оценки своих сотрудников, говорил по адресу Майского «способный». Конечно, немалую роль здесь играл субъективный фактор: прекрасное образование, целеустремлённость, честолюбие, организованность. Сам Майский писал: «...в моей жизни было сравнительно много «элементов плановости». Я умел ставить себе определённые задачи, иной раз рассчитанные на годы, и осуществлять их. В моём характере есть известные настойчивость и организованность»³.

Майский смог занять уникальное положение в дипломатическом корпусе в Лондоне, установить доверительные отношения с британскими политиками Черчиллем, Иденом, Бивербруком, Криппсом и др. Современный исследователь отмечает: «Майский был интересным и знающим собеседником. Черчилль ценил в нём умение не только самостоятельно мыслить, но и высказывать суждения, которые были порой отличны от официальной позиции Кремля»⁴.

Майский внёс значительный вклад в развитие отношений СССР и Великобритании. А.И. Микоян, поздравляя Майского с 85-летием писал:

«Вы так успешно и достойно осуществляли представительство страны Советов в Англии. Ваша работа там сыграла важную роль не только в успешном налаживании отношений с Англией, но и содействовала делу поставок материалов, необходимых для снабжения Советской Армии»⁵.

Однако не следует идеализировать личность Майского. В его деятельности были упущения и ошибки. Так, он явно преувеличивал просоветские настроения у ведущих британских политиков. Майский писал: «У Идена несомненно много добрых намерений, и в его искренности по части англо-советского альянса я не имею оснований сомневаться»⁶. В то время, когда писались эти строки, на столе у Сталина лежал секретный меморандум Идена от 28 января 1942 г., полученный по линии «кембриджской пятёрки», где чётко говорилось о предпочтении британским правительством «англо-американского сотрудничества». Некоторое время спустя Сталин смог ознакомиться с докладом британского Штаба военного планирования, где главным врагом Англии назван СССР⁷.

Размышляя и рассуждая о послевоенной Европе и судьбах Германии после войны, Майский не проявил должной дальновидности, не смог заглянуть за горизонт, как это умел делать, например Черчилль. Майский не мог осознать, что после войны с Германией начнётся борьба за Германию. В этих условиях репрессивный подход, который он представлял в своих многочисленных записках (5 млн. немцев на принудительных работах в СССР и т.п.), был совершенно неприемлем после окончания второй мировой войны.

В июне 1946 г. Политбюро приняло подготовленные Сталиным Директивы о Германии. В этом документе, в частности, говорилось: «...чувство мести по отношению к Германии было бы плохим советчиком. Следует иметь в виду, что Германия является членом мировой экономики и мировой торговли... Было бы ошибкой брать курс на уничтожение Германии как государства и превращение её в аграрную страну... Задача состоит не в том, чтобы уничтожить Германию, а в том, чтобы позволить ей стать единой, демократической, миролюбивой страной с развитой индустрией, сельским хозяйством и внешней торговлей... Планы разделения Германии на отдельные автономные государства или отделение Рурской области нереалистичны и опасны»⁸.

Ни один из этих тезисов не получил хоть какого-то отражения в документах комиссии Майского. Так или иначе, но работа Майского на германском направлении не принесла ему удовлетворения и поэтому, очевидно, не затрагивается в его мемуарах.

Что касается мемуаров, то время расставило всё на свои места. Публикации в последние годы служебной и личной переписки Майского, его

«Дневника дипломата» позволили представить более многосторонне и выпукло фигуру этого дипломата. В своих письмах Майский сформулировал принципы, на которые он опирался при написании воспоминаний: мемуары как орудие идеологической борьбы, готовность внести изменения «по указанию ЦК» и мемуарно-полубеллетристический стиль изложения, приемлемый для западного читателя. Поэтому не вызывает удивления краткая издательская аннотация ко второму изданию книги «Воспоминания советского дипломата. 1925–1945» (М., 1987), в которой говорится следующее: «Предлагаемая книга является по существу историческим трудом, содержащим достоверные факты и их последовательно классовый анализ. По форме – это ярко написанная публицистическая работа... Для массового читателя» (с. 2). Ни слова о том, что это мемуары.

У Майского не сложились отношения с коллегами по цеху, сотрудниками дипломатической службы СССР. В.В. Соколов, автор ряда работ о советских дипломатах, отмечал: «Надо признать, что новое поколение советских дипломатов, пришедших в Наркоминдел после проведённых «чисток» 30-х годов, несколько недоброжелательно относились к М.М. Литвинову и его соратникам по дипломатической работе (Майскому и Коллонтай)»⁹.

Покидая МИД, Майский намеревался сохранить свои отношения с этой организацией в интересах тех научных изысканий, которые он планировал осуществить. В мае 1946 г. он писал Сталину: «Проработав в НКВД 22 года, я естественно не хотел бы совсем порывать с Министерством иностранных дел»¹⁰.

Но как показали дальнейшие события, отношения с МИД у Майского налаживались плохо. Трудно объяснить, с чем это было связано. МИД фактически был главным тормозом на пути подготовки и публикации Майским его дипломатических воспоминаний. Это выражалось в отказе допустить к архивным материалам, в обвинении автора в преувеличении своей роли в осуществлении внешней политики. При этом, правда, забывалось, что любой мемуарист стремится представить себя более значимым, чем он был на самом деле. Не было исключением из общего правила и Майский. Он даже своё увольнение с дипломатической службы связывал с проблемами большой политики. Он писал: «Думаю, что в истории со мной известную роль сыграли и внешнеполитические соображения: показать Англии, что твёрдо взят курс против неё, поскольку в Англии считают меня сторонником англо-советского сближения. Имела значение и речь Черчилля в Фултоне»¹¹.

Но «недоброжелатель» Майского В.В. Семёнов объяснял более приземленно: «Была создана комиссия по репарациям во главе с И.М. Май-

ским, но результаты её работы были забракованы, а Майский был убран из НКВД в академики»¹².

В огромном эпистолярном наследии Майского за послевоенные годы практически отсутствует переписка с дипломатами, кроме Литвинова и Коллонтай. Нет личной переписки ни с Молотовым, который пережил Майского почти на десять лет, ни с Громыко, ни с теми, кто занимал посольский пост в Лондоне после него.

Поэтому не удивительно, что в чествованиях академика И.М. Майского в связи с 80-летием, 85-летием и 90-летием со дня рождения Министерство иностранных дел участия не принимало.

И лишь много лет спустя, выступая в Лондоне на научном семинаре, посвящённом Черчиллю, посол Российской Федерации Г.Б. Карасин сказал, что опыт работы на этом посту его предшественника Майского, несмотря на 70-летнюю давность, остаётся актуальным и поучительным и по сей день¹³.

ПРИМЕЧАНИЯ

Вместо предисловия

¹ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Лондон 1934–1943 : в 2 кн. Кн. 1 : 1934 – 3 сентября 1939. М. : Наука, 2006; Кн. 2 : 1939–1943. М. : Наука, 2009. Ч. 1, 2.

² *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами : в 2 кн. М. : Наука, 2005; *Майский И.М.* Избранная переписка с иностранными корреспондентами : в 2 кн. М. : Наука, 2011-2012.

³ *Майский И.М.* Избранная переписка с иностранными корреспондентами. Кн. 1. С. 6

⁴ *Документы* внешней политики СССР. М., 1969–1980. Т. IX–XXI; *Документы* внешней политики. М., 1989–2000. Т. XXII–XXIV; *Англо-советские* отношения в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1984. Т. 1–2; СССР и Германский вопрос. 1941–1949. М., 1996–2000. Т. 1–2.

⁵ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. М., 2005. Кн. 1. С. 168.

⁶ *Майский И.М.* Современная Монголия. Иркутск, 1921 г. Переиздание: Монголия накануне революции. М., 1959.

⁷ *Майский И.М.* Избранная переписка с иностранными корреспондентами. Т. I. С. 40.

⁸ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 2, ч. 1. С. 40.

⁹ Там же. С. 89.

Глава 1. Начало дипломатической карьеры. 1922–1931 гг.

¹ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. М., 2005. Кн. 1. С. 307.

² Там же. С. 170.

³ Там же. С. 473, прим. 13.

⁴ Там же. С. 185.

⁵ Там же. С. 190.

⁶ Там же. С. 475, прим. 5.

⁷ *Судебный* процесс над социалистами-революционерами : сборник документов. М., 2002. С. 358.

⁸ Там же. С. 719.

⁹ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 1. С. 289.

¹⁰ *Майский И.М.* Советская Россия и капиталистический мир. Гаагская конференция. М., 1923; *Он же.* Внешняя политика РСФСР. 1917–1922. М., 1923.

- ¹¹ *Беседа* с академиком И.М. Майским // Новая и новейшая история. 1969. № 4. С. 180; *Майский И.М.* Семь номеров // Знамя. 1965. № 7. С. 192.
- ¹² *Избранная* переписка с российскими корреспондентами. Кн. 1. С. 484, прим. 4.
- ¹³ *Чуковский К.И.* Дневник 1901–1929. М., 1991. С. 302.
- ¹⁴ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 1. С. 480–481.
- ¹⁵ Там же. С. 218–219.
- ¹⁶ Там же. С. 256.
- ¹⁷ *Новая* и новейшая история. 1969. № 4. С. 182.
- ¹⁸ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 1. С. 254.
- ¹⁹ Там же. С. 269.
- ²⁰ Там же. С. 263.
- ²¹ Там же. С. 262.
- ²² Там же. С. 276.
- ²³ Там же. С. 275.
- ²⁴ Там же. С. 266.
- ²⁵ Там же. С. 268.
- ²⁶ *Беседовский Г.* На путях к Термидору. М., 1997. С. 178.
- ²⁷ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 1. С. 280.
- ²⁸ ВКП(б), Коминтерн и Япония 1917–1941. М., 1997. С. 21–22.
- ²⁹ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 1. С. 291.
- ³⁰ Там же. С. 336.
- ³¹ Там же. С. 297.
- ³² Там же. С. 326, 355.
- ³³ Там же. С. 284, 292.
- ³⁴ Там же. С. 294.
- ³⁵ *Очерки* истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002. М., 2002. Т. 2. С. 210.
- ³⁶ *Документы* внешней политики СССР (в дальнейшем ДВП). Т. 10. С. 592.
- ³⁷ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 1. С. 283–284.
- ³⁸ *Молодяков В.* Россия и Япония поверх барьеров. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899–1929). М., 2005. С. 301–302.
- ³⁹ Там же. С. 312.
- ⁴⁰ Там же. С. 313.
- ⁴¹ *Кутаков Л.И.* История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962. С. 87–89.

- ⁴² Там же. С. 92.
- ⁴³ *Беседовский Г.* Указ. соч. С. 167, 173.
- ⁴⁴ *Молодяков В.* Указ. соч. С. 309.
- ⁴⁵ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 1. С. 325.
- ⁴⁶ *Светлов В.* Происхождение капиталистической Японии. М. ; Л., 1931; *Тайгин И.* Японские силуэты. М., 1931.
- ⁴⁷ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 1. С. 302.
- ⁴⁸ Там же. С. 294.
- ⁴⁹ Там же. С. 294, 305.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же. С. 329–330.
- ⁵² Там же. С. 330.
- ⁵³ *Майский И.М.* Избранная переписка с иностранными корреспондентами. Кн. 1. С. 110.
- ⁵⁴ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 1. С. 370.
- ⁵⁵ Там же. С. 373.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же. С. 356.
- ⁵⁸ Там же. С. 362.
- ⁵⁹ Там же. С. 357, 364.
- ⁶⁰ *Коллонтай А.М.* Дипломатический дневник. М., 2001. Т. 2. С. 125–126.
- ⁶¹ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 1. С. 372.
- ⁶² Там же. С. 384.
- ⁶³ *Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа.* Решения Особой папки. М., 2000. С. 286.
- ⁶⁴ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 1. С. 369.
- ⁶⁵ Там же. С. 387.

Глава 2. Работа в Лондоне. 1932–1941 гг.

- ¹ *Очерки истории* Министерства иностранных дел России. Т. 2. С. 180.
- ² *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 1. С. 428.
- ³ *Соколов В.В.* И.М. Майский между Сталиным и Черчиллем в первые месяцы войны // Новая и новейшая история. 2001. № 6. С. 22.
- ⁴ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Т. 1 С. 5.

- ⁵ Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1968. Т. 1–3.
- ⁶ Майский И.М. Дневник дипломата. Кн. 2, ч. 2. С. 89.
- ⁷ Майский И.М. Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 2. С. 126.
- ⁸ Там же. Кн. 1. С. 352.
- ⁹ Майский И.М. Воспоминания советского посла в Англии. М., 1960.
- ¹⁰ Майский И.М. Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 1. С. 400–401.
- ¹¹ Там же. С. 398–399.
- ¹² Там же. С. 414.
- ¹³ Там же. С. 430.
- ¹⁴ Там же. Кн. 2. С. 28.
- ¹⁵ Майский И.М. Дневник дипломата. Кн. 1. С. 84.
- ¹⁶ Там же. С. 79.
- ¹⁷ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения Особой папки. 1029–1939. М., 2001. С. 381.
- ¹⁸ Майский И.М. Дневник дипломата. Кн. 1. С. 85.
- ¹⁹ Майский И.М. О мемуарах Идена // Мировая экономика и международные отношения. 1969. № 11. С. 73.
- ²⁰ Майский И.М. Дневник дипломата. Кн. 1. С. 97.
- ²¹ Там же. С. 143.
- ²² Там же. С. 140.
- ²³ Там же. С. 143–144.
- ²⁴ Там же. С. 149–150.
- ²⁵ Майский И.М. Испанские тетради. М., 1962.
- ²⁶ Майский И.М. Избранная переписка с иностранными корреспондентами. Кн. 1. С. 144.
- ²⁷ Майский И.М. Дневник дипломата. Кн. 1. С. 188, 225.
- ²⁸ Майский И.М. Избранная переписка с иностранными корреспондентами. Кн. 1. С. 312.
- ²⁹ Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 2. С. 201.
- ³⁰ Майский И.М. Дневник дипломата. Кн. 1. С. 192, 213.
- ³¹ Там же. С. 223.
- ³² Там же. С. 239.
- ³³ Там же. С. 259.
- ³⁴ Там же. С. 273.
- ³⁵ Там же. С. 285.
- ³⁶ Там же. С. 292.
- ³⁷ Новая и новейшая история. № 6. С. 103–104.

- ³⁸ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 1. С. 296.
- ³⁹ Там же. С. 314.
- ⁴⁰ *Поздеева Л.В.* Дневник Майского о британской политике 1938–1939 // Новая и новейшая история. 2001. № 3; *Она же.* Британская политика по дневникам советского посла И.М. Майского (из записей 1938–1939 гг.) // Россия и Британия. М., 2003. Вып. 3; *Она же.* СССР и Великобритания (по страницам дневника И.М. Майского. 1941–1943) // Историческая наука на рубеже веков. М., 2001; *Она же.* И.М. Майский и Иден // Новая и новейшая история. 2008. № 1.
- ⁴¹ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 1. С. 325.
- ⁴² Там же. С. 341, 490, прим. 14.
- ⁴³ Там же. С. 343.
- ⁴⁴ Там же. С. 348.
- ⁴⁵ Там же. С. 358–359.
- ⁴⁶ *Стегний П., Соколов В.* И.М. Майский: свидетельство очевидца (к 60-летию начала второй мировой войны) // Международная жизнь. 1999. № 8. С. 85.
- ⁴⁷ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 1. С. 375, 425.
- ⁴⁸ Там же. С. 434–435.
- ⁴⁹ Там же. С. 441.
- ⁵⁰ Там же. С. 433.
- ⁵¹ Там же. С. 442–443.
- ⁵² Там же. С. 445.
- ⁵³ Там же. С. 446.
- ⁵⁴ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 2, ч. 1. С. 40.
- ⁵⁵ Там же. С. 75.
- ⁵⁶ Там же. С. 122.
- ⁵⁷ Там же. С. 126.
- ⁵⁸ Там же. С. 132.
- ⁵⁹ Там же. С. 133.
- ⁶⁰ *Документы внешней политики.* Т. XXIII, ч. 1. С. 102.
- ⁶¹ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 2, ч. 1. С. 11.
- ⁶² Там же. С. 267.
- ⁶³ Там же. С. 386, 387, 389, 390–391.
- ⁶⁴ Там же. С. 386.
- ⁶⁵ Там же. С. 387.
- ⁶⁶ Там же. С. 407–408.
- ⁶⁷ Там же. С. 410, 412.
- ⁶⁸ Цит. по: *Россия и Британия.* Вып. 3. М., 2003. С. 216.
- ⁶⁹ См.: *Вишлев О.В.* Накануне 22 июня 1941 г. М., 2001. С. 91.
- ⁷⁰ *Россия и Британия.* М., 2003. Вып. 3. С. 216.

Глава 3. «Звёздный час». Лондон. 22 июня 1941–1943 гг.

- ¹ *Международная жизнь*. 2001. № 8. С. 61.
- ² *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 2, ч. 2. С. 6; *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. М., 2004. С. 14.
- ³ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 2, ч. 2 С. 38.
- ⁴ Там же. С. 40.
- ⁵ Там же. С. 43.
- ⁶ Там же. С. 78.
- ⁷ Там же. С. 58–59.
- ⁸ *Майский И.М.* Избранная переписка с иностранными корреспондентами. Кн. 1. С. 592.
- ⁹ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 2, ч. 2. С. 186.
- ¹⁰ Там же. С. 96.
- ¹¹ Там же. С. 97.
- ¹² Там же. С. 108.
- ¹³ *Майский И.М.* Воспоминания советского дипломата. М., 1987. С. 683.
- ¹⁴ *Международная жизнь*. 2001. № 8. С. 62–65.
- ¹⁵ Там же. С. 67.
- ¹⁶ Там же. С. 66.
- ¹⁷ Там же. С. 67.
- ¹⁸ *Ржешевский О.А.* Уинстон Черчилль в Москве. (1942 г.) // Россия и Британия. М., 2003. Вып. 3. С. 192.
- ¹⁹ *Международная жизнь*. 2001. № 8. С. 68.
- ²⁰ *Новая и новейшая история*. 2005. № 1. С. 146.
- ²¹ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 2, ч. 2. С. 166.
- ²² Там же. С. 189–190.
- ²³ Там же. С. 202.
- ²⁴ Там же. С. 236–241.
- ²⁵ Там же. С. 236.
- ²⁶ *Поздеева Л.В.* Майский И.М. и Иден // *Новая и новейшая история*. 2008. № 1. С. 178.
- ²⁷ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 2, ч. 2. С. 206–207.
- ²⁸ См.: *Источник*. 1995. № 4. С. 124–144.
- ²⁹ *Майский И.М.* Избранная переписка с иностранными корреспондентами. М., 2012. Кн. 2. С. 8.
- ³⁰ *Новая и новейшая история*. 2002. № 4. С. 90.
- ³¹ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 2, ч. 2. С. 369, прим. 70.
- ³² *Павлов В.* Автобиографические заметки // *Новая и новейшая история*. 2000. № 4. С. 108.
- ³³ *СССР и германский вопрос. 1941–1949.* М., 2000. Т. 1. С. 185.

³⁴ *Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002.* М., 2002. Т. 2. С. 278.

³⁵ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. М., 2005. Кн. 2. С. 134.

Глава 4. На германском направлении. 1943–1946 гг.

¹ *Воспоминания советского посла. Война 1939–1943.* М., 1966. С. 371.

² *Очерки истории Министерства иностранных дел России.* Т. 2. С. 309.

³ *СССР и германский вопрос. 1941–1949.* Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. М., 2000. Т. 1. С. 322.

⁴ Там же. С. 257, 292, 452.

⁵ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 2, ч. 2. С. 186.

⁶ *Филитов А.М.* В комиссиях Наркоминдела // *Вторая мировая война : актуальные проблемы.* М., 1995. С. 55–56.

⁷ *Очерки истории Министерства иностранных дел России.* М., 2002. С. 310.

⁸ *Кынин Г.П.* Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США и Великобритании 1944–1945 // *Новая и новейшая история.* 1995. № 4. С. 117.

⁹ *СССР и германский вопрос...* Т. 1. С. 21.

¹⁰ Там же. С. 352.

¹¹ *Филитов А.М.* Указ. соч. С. 65.

¹² *СССР и германский вопрос...* Т. 1. С. 511–514.

¹³ Там же. С. 567–568.

¹⁴ Там же. С. 579.

¹⁵ Там же. С. 590–598.

¹⁶ Там же. С. 601–605.

¹⁷ *Советско-американские отношения. 1939–1945.* М., 2004. С. 617.

¹⁸ *Крымская конференция руководителей трёх союзных держав : сборник документов.* М., 1979. С. 70.

¹⁹ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 2. С. 529, прим. 2.

²⁰ *Ржевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. М., 2004. С. 497.

²¹ *Крымская конференция...* С. 70–72.

²² Там же. С. 74–75.

²³ Там же. С. 106–107.

²⁴ Там же. С. 76.

²⁵ Там же. С. 253–254.

²⁶ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 2. С. 161.

²⁷ *Семиряга М.И.* Как мы управляли Германией. М., 1995. С. 120.

²⁸ Коваль К.И. Последний свидетель. «Германская карта» в холодной войне. М., 1997. С. 60, 68.

²⁹ Печатнов В.О. От союза – к холодной войне. Советско-американские отношения в 1945–1947 гг. М., 2006. С. 33.

³⁰ Коваль К.И. Указ. соч. С. 79.

³¹ СССР и германский вопрос... Т. 2. С. 180.

³² Советско-американские отношения. 1939–1945. М., 2004. С. 670.

³³ Там же. С. 685.

³⁴ Там же. С. 69, 698.

³⁵ СССР и германский вопрос... Т. 2. С. 164–165.

³⁶ Там же. С. 726, прим. 43.

³⁷ Там же. С. 725, прим. 40.

³⁸ Там же. Т. 2. С. 162.

³⁹ Коваль К.И. Указ. соч. С. 192.

⁴⁰ СССР и германский вопрос... Т. 2. С. 187.

⁴¹ Берлинская (Потсдамская) конференция : сборник документов. М., 1980. С. 211.

⁴² Там же. С. 241–242.

⁴³ Там же. С. 247–255.

⁴⁴ Там же. С. 467–468.

⁴⁵ СССР и германский вопрос... Т. 2. С. 197.

⁴⁶ Коваль К.И. Указ. соч. С. 270.

⁴⁷ СССР и германский вопрос... Т. 2. С. 735, прим. 87.

⁴⁸ Там же. С. 803, прим. 362.

⁴⁹ Павлов В.Н. Указ. соч. С. 116.

⁵⁰ Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 116.

⁵¹ Майский И.М. Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 2. С. 172.

⁵² Там же. С. 173.

Глава 5. «Осень патриарха»: И.М. Майский и его мемуары. 1947–1975 гг.

¹ Майский И.М. Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 2. С. 316.

² Там же. С. 322.

³ Там же. С. 254.

⁴ Там же. С. 560.

⁵ Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. М., 1999. С. 411.

⁶ Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950. М., 1997. С. 537, 590.

- ⁷ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 2. С. 247–248.
- ⁸ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 1. С. 323–324.
- ⁹ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 2. С. 269.
- ¹⁰ Там же. С. 367.
- ¹¹ Там же. С. 237–238.
- ¹² *Президиум ЦК КПСС.* 1954–1964. Черновые протоколы. Записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. М., 2008. С. 230, 994.
- ¹³ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 2. С. 307–308.
- ¹⁴ Там же. С. 309.
- ¹⁵ Там же. С. 270.
- ¹⁶ Там же. С. 563.
- ¹⁷ Там же. С. 313.
- ¹⁸ Там же. С. 269.
- ¹⁹ Там же. С. 398.
- ²⁰ Там же. С. 561.
- ²¹ Там же. С. 339.
- ²² Там же. С. 566, прил. 1.
- ²³ Там же. С. 339.
- ²⁴ Там же. С. 566, прил. 1.
- ²⁵ Там же. С. 364.
- ²⁶ *Майский И.М.* Избранная переписка с иностранными корреспондентами. Кн. 2. М., 2012. С. 307.
- ²⁷ *Майский И.М.* Ответ английским критикам // Новое и новейшее время. 1964. № 21. С. 26–27.
- ²⁸ Там же. С. 28.
- ²⁹ Цит. по: *Неганов В.Ф.* Академик И.М. Майский – дипломат, историк, мемуарист // Из истории Европы в новое и новейшее время. К 100-летию со дня рождения академика И.М. Майского. М., 1984. С. 54.
- ³⁰ *Правда.* 31 марта 1966 г.
- ³¹ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 2. С. 432.
- ³² Там же. С. 456.
- ³³ Там же. С. 494.
- ³⁴ *Новая и новейшая история.* 1975. № 1 и 2.
- ³⁵ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 2. С. 496–497.

Послесловие

¹ Чуев Ф. Указ. соч. С. 134.

² *Новая* и новейшая история. 2000. № 4. С. 103–104.

³ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 1. С. 323–324.

⁴ *Новая* и новейшая история. 2007. № 4. С. 90.

⁵ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 2. С. 459.

⁶ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 2, ч. 2. С. 242.

⁷ *Новая* и новейшая история. 1998. № 1. С. 95–99.

⁸ *СССР* и германский вопрос. 1941–1949. Т. 2. С. 807–808, прим. 382.

⁹ *Новая* и новейшая история. 2002. № 6. С. 90.

¹⁰ *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 2. С. 172.

¹¹ *СССР* и германский вопрос. 1941–1949. Т. 2. С. 803, прим. 362.

¹² *Новая* и новейшая история. 2004. № 4. С. 116.

¹³ Там же. С. 89.

Научное издание

Борис Степанович Жигалов

**И.М. МАЙСКИЙ: ПОРТРЕТ СОВЕТСКОГО ДИПЛОМАТА
ПО МАТЕРИАЛАМ ЕГО «ДНЕВНИКА»,
ПИСЕМ И МЕМУАРОВ**

Редактор – Е.Г. Шумская
Компьютерная верстка А.И. Лелюю
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано к печати 11.07.2014 г. Формат 60×84¹/₁₆.

Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.

Усл. печ. л. 5,3.

Тираж 250 экз. Заказ № 446.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–53-15-28

ISBN 978-5-94621-381-3

9 785946 213813